

КОЛДОВСКИЕ МИРЫ

ГАЛИНА
ГОНЧАРОВА

АЗЪ ЕСМЬ СОФЬЯ

ТЕНЬ ЗА ТРОНОМ

Галина Дмитриевна Гончарова
Азъ есмь Софья.
Тень за троном
Серия «Азъ есмь Софья», книга 4
Серия «Колдовские миры»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23516356

Азъ есмь Софья. Тень за троном / Галина Гончарова: Эксмо; Москва;

2017

ISBN 978-5-699-98249-3

Аннотация

Семнадцатый век. В Европе гремят войны. Объявляются незаконнорожденные королевские сыновья, вспыхивают восстания, заключаются союзы и династические браки. Яд, подкуп, интриги... В ход идет все. Чья умелая рука руководит событиями? Кто она – та, что стоит за троном русского государя Алексея Алексеевича? Проклятая царица, серый кардинал, божье провидение или просто любящая женщина, которая надеется дождаться с войны брата и мужа, защитить страну и возвеличить Русь?

Время покажет. А пока царица Софья, а вернее, та, кто вот уже второй десяток лет живет и правит под ее личиной,

использует на благо государства Российского знания века
двадцать первого и обязательно выстоит!

Содержание

1677 год	5
Лето 1677 года	145
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Галина Гончарова

Азъ есмь Софья.

Тень за троном

*Корона ранит лоб, и кровь течет по коже.
Терновые шипы, впиваясь в кожу лба,
Забиться не дадут. Ведь роскошь мимолетна,
А жизнь всегда права, и власть всегда мертва.
Венец на голове – награда или кара?
Кому – предел мечты, кому – кошмар и ад.
В грязи, в войне, в крови, где счастье – это мара,
И никому не рад, и ничему не рад.
Душа кричит в тисках, но кто ее услышит?
Ты примешь этот груз, останешься собой.
Отдашь взамен любовь, надежду, счастье, веру,
И в никуда уйдешь с поднятой головой.*

1677 год

Софья прищурилась, решительно заскользила пером по бумаге. Нравится ли, не нравится – иногда приходится сотрудничать с врагами и лгать друзьям. Хотя какие друзья в политике? В гадюшнике их куда как больше...

Своими поступками она подставляет Михайло. Ну и Марфу, конечно. С другой стороны – кому еще нужна сильная

Польша? Полякам?

Безусловно!

А Софья предпочла бы видеть ее частью России – в будущем. Сателлитом, другом, союзником – но в составе одной страны.

Веник – он только в связке сильный, а прутья по одному легко переломашь. Там, в двадцатом веке, она искренне удивлялась: как люди этого не понимают? Их детям ведь жить в слабой стране. А это – грустно. Бродячую собаку каждый пнет, а поди обидь собачью стаю? Отдача замучает.

И сейчас Софья писала Гуссейну-паше. Великому визирю султана Сулеймана. Не под своим именем, конечно. Писал якобы царь Алексей Алексеевич. И он потом даже прочитает это письмо, как и Ваня. Вот от них Софья ничего не таила. Ну... почти.

Софья договаривалась о будущем.

Торговать, воевать...

Никто ж не думает, что Руси дадут жить спокойно? Это сейчас в Европе небольшие волнения. Людовик бузит, с испанцами Нидерланды делит, а вот как поделит – так и посмотрит повнимательнее по сторонам, так и ручки еще куда-нибудь протянет. Он из тех людей, кто имеющимся не удовлетворяется, ему все больше и больше нужно. А еще у нее есть планы на кое-кого из европейских монархов. И это тоже не останется незамеченным.

Софье вовсе не хотелось, чтобы ее – или брата, или му-

жа – постигла судьба Елены Глинской. Яд. Уберечься можно, но проще сделать так, чтобы травили не тебя, а для тебя. Или создать такую обстановку, когда европейцам не до травли будет – хвост бы из капкана вытащить.

У Гуссейна-паши, напротив, имелись свои интересы.

Пальцы царицы на миг тронули Коран. В золотом узорном переплете, изукрашенном камнями. Кто сказал, что в эти времена шифров не знали?

Вот закончит письмо, еще раз перепишет, с братом поговорит и примется шифровать. Один из самых простых и в то же время убийственных способов шифра – книжный. Выбираешь букву, строку, страницу и пишешь три числа. Просто?

Так это в двадцать первом веке было бы просто. Там компьютеры водятся и программы. А здесь и сейчас – расшифровать почти невозможно. Нужна та самая книга, которая побывала в руках кодировщика. Или ее точная копия.

В эпоху рукописных книг?

Ха!

Хотя у Софьи и у Гуссейна-паши такие книги были. Коран, конечно.

Богохульство?

Да никогда! Неужто Аллах оскорбится на своих детей за ма-аленькую военную хитрость? Гуссейн-паша заверял, что существуют только две копии, и Софья ему верила. Но даже если больше – так что же? В турок, которые договорятся с Леопольдом или Людовиком и пойдут вместе на Русь, вери-

лось плохо. То есть вообще никак. Гуссейн-паша был весьма и весьма неглуп.

Ему хотелось остаться визирем. На султанское место не метил, слишком ступенька скользкая. Для этого нужны победы, а вот с ними у Османов – небогато. Сначала Польша. Ну, за ту султан Мехмед расплатился. Потом Крым – там турки хоть и не участвовали, и Софья все сделала, чтобы никто лишний раз не пострадал, но... все ж таки плевков на самолюбие. Сколько лет Крым был татарским, а тут верных псов разогнали.

Русские, конечно, право имели. И силу, что в политике почти одно и то же. Но у Гуссейна-то янычары! У него народное недовольство! У него нехватка денег... Короче, паше позарез нужна война. И – победоносная.

А куда идти?

Не на Русь же! Далеко, холодно и пока до богатых городов доберешься – все склянешь. Стало быть, надо идти в Европу. И вот тут Гуссейну нужны все союзники, которых только можно разыскать.

Русский царь?

Почему бы нет? Им-то доступно куда как больше, чем мусульманам в Европе.

А потому сначала полунамеками, а потом с помощью специального шифра согласовывались важные вещи. Куда идти, кто пойдет, что делать будем...

И за изящными строчками на пергаменте Софья видела

хищника. Хитрого и жестокого паука, который и выпил бы ее, да вот беда – не дотянется. А потому можно муху взять и в союзники. Пусть загонит для него других мух! А потом, когда-нибудь потом...

Софья не возражала.

На это «потом» у нее были свои планы. А сможет ли она переиграть визиря, зависит от простого фактора. Вырастить преемников. Это ведь не на одно поколение, это больше чем на сотню лет! И в Османской империи с этим делом плохо, каждый последующий султан у них тряпичнее предыдущего. Или так не говорят? Но что делать, если Селим Первый был Великим, а нынешнего можно назвать в лучшем случае гаремным? Раньше собака вертела хвостом, то бишь султан гаремом, а теперь хвост собакой – и кухарка управляет государством.

Вот Софье и надо сделать так, чтобы на Руси ни хвостов, ни собак на троне не случалось. Пусть звучит легко, да только турки уже с этим не справились. А пока... Пусть османы и русские пройдут пару лет в одной упряжке, потерпим.

Итак...

Священная Римская Империя.

Вена.

Софья злобно ухмыльнулась. Вена, говорите? А мы проверим, насколько смертелен для вашей империи удар в вену.

Вот!

– Сколько турок?!

Леопольд был бледен как никогда.

– Около ста двадцати тысяч, ваше величество.

– Мне доносили лишь о восьмидесяти?!

– Ваше величество, как оказалось, это не все части. Есть еще моряки под предводительством паши Мезоморте. И венгры...

– Венгры?!

– Да, ваше величество. Вы же знаете...

О, Леопольд знал. Священная Римская Империя просто мечтала развалиться на отдельные составляющие. То есть Венгрия мечтала, а Австрии этого решительно не хотелось. Ишь ты, свободу им... А не перебьются? Давить и давить негодяев!

Чем и занимался Леопольд, а до того и остальные императоры.

В итоге государство не вылезало из бунтов и заговоров.

– Твари!

– Да, ваше величество. Но дошли слухи...

– Слухи?!

– Ваше величество, наши люди сообщили, что Сулейман обещал Текели свою поддержку. А еще его поддержат...

– Знаю! Это все?

– Да, ваше величество.

– Как скоро они будут здесь?

– Двигаются достаточно медленно, трудности со снабжением, но думаю, месяца через три придут под наши стены.

– Пошел вон!

Секретарь мгновенно повиновался. Оставшись один, Леопольд плеснул вина в кубок, медленно выцедил и вдруг швырнул драгоценную вещь в стену. Несколько капель выплеснулись на обивку, кубок покатился, зазвенел, но никто не прибежал на шум. Оно и понятно: когда правитель в гневе, лучше под горячую руку не попадаться.

Сто. Двадцать. Тысяч.

Даже одних людей – это много. Очень много. У него и половины не наберется, да и та рассеяна по стране. И не всем можно верить. И вооружены османы очень неплохо, уж не хуже его войск.

А есть еще и флот. И Мезоморте... Проклятая тварь! Отступник, место которого на костре. Некогда венецианский дворянин, сейчас же – принявший мусульманство выродец, алжирский бей, который уничтожает христиан с особым удовольствием!

Сын дьявола!

Так вот и понимаешь, что Святая Инквизиция – это полезно. Сожгли бы мерзавца – и хлопот бы не было. Но...

Леопольд был далеко не глуп. Осознавал, что флотоводцев, подобных Мезоморте, у него просто нет. Никто спра-

виться не сможет. Разве что задавить числом. Но... где взять то число? Чтобы оно было, надо как следует всыпать османам на берегу, а тут... Деньги есть, но наемники – не совсем то. Нужны союзники. Львы, а не шакалы.

На губах Леопольда зазмеилась улыбка. Союзники? Он помог русским и полякам с Критом. Пусть они отплатят ему сейчас! Пришлют войска, орудия, помощь, пока еще есть время. Но пришлют ли?

А на кого еще можно рассчитывать? Франция? Испания? Англия? Им не до того. Старина Роули глуп, как тот самый королевский жеребец. Его братец не лучше, Людовик себе на уме, к тому же на короткой ноге с Турцией. Да и испанцы... сейчас они все делят, раздирают на части Нидерланды. И раздерут-таки... Но войска оттуда не уберут. И ему не помогут. Своя рубашка ближе к телу.

Португалыцы?

У них неплохой флот. Можно попробовать. Найдется, что предложить взамен.

Чуть успокоившись, его величество позвал секретаря и принялся диктовать письма. Потом их отправят со срочными гонцами, чтобы к адресатам они попали не через месяц, а как можно скорее. И пусть только попробуют не ответить!

Особенно положительно!

– Все-таки стоит ли ему помогать?

Алексей сомневался – и тому были причины. Уж сколько Леопольд тянул кота за хвост... ей-ей, самое терпеливое животное взбунтовалось бы. А русские к таковым не принадлежали. Хотя письмо было вполне определенным. Полупросьба-полутребование о помощи. Жить котику хотелось – и с целой шкуркой.

– Помогать-то стоит, но опосредованно, – задумчиво произнесла Софья. Она, как обычно, грызла кончик пера. Задумалась, смотрела в окно.

– Казна новой войны не выдержит, имеющееся бы разгрести. – Ваня был категоричен.

– Если полезем – обязательно потом ответ схлопочем. В Крыму, например. Нет, Соня, не сдался нам этот паразит, нечего ему помогать...

– А я считаю, мальчишки, что вы не правы, – Софья сплюнула кусок пера и посмотрела серьезнее. – Надо просто затребовать с него подходящую цену за помощь.

– И какую же?

– Невесту. Федю женим, остался Ванятка и девочки. Теперь надо Ваньке невесту найти, пока та свободна. Еще свободна.

– Ага, много он нам помог?

– Э, нет. Сейчас мы будем требовать с него определенную девушку. Даже еще не девушку, Алеша.

– Не понял?

– Я смотрю на все королевские дома Европы и не вижу никого, достойного нашей семьи. Пожалуй, кроме одного варианта. Но ей сейчас восемь лет.

– Соня, а почему не младенец?

– Лешка, а что тебя не устраивает? Сейчас замуж выдают рано, надо бы, кстати, принять указ, чтобы не раньше пятнадцати! Какое количество девчонок от ранних родов гибнет – уму непостижимо!

– Ты не растекайся мыслью...

– Ладно, буду краткой. Есть одна невеста, которая мне пока что нравится. И как невеста, и как приданое. А что мала... нам ли жаловаться? Ванька тоже не старик.

– Ванька, Федя... А про меня ты подумала?

– А ты еще не нагулялся, великий государь? Думаешь, я ни про кого не знаю? Про Татьяну, Ирину, Марусю...

Братец смущаться и не подумал.

– И что? Кто-то мной недоволен?

– Все довольны, – усмехнулась Софья. – С детьми бережешься?

– А то ж. Мои дети появятся только в законном браке. А вот с кем...

– Ульрика-Элеонора Датская.

– Это кто?

– Милая умная девочка. Не слишком красива, ну да с лица воду не пить. Зато здорова. Датская принцесса. Она вообще-то с Карлом Шведским помолвлена, но у них пока войны... можем перехватить.

– Думаешь, стоит?

Перо подверглось очередному обгрызанию.

– Не знаю, Алешенька. Понимаешь, у тебя должны быть дети. И лучше – скорее. У батюшки к этому времени уже были... Мы все смертны, и надобно наследников воспитывать и учить. Других нет, разве что на той же Изабелле тебя женить, но это ж сколько ждать придется! А Ульрика хотя бы не дура. Ей, между прочим, с Леопольдом помолвку предлагали.

– И?

– Поменять Карла на Леопольда. Отказалась.

– Приедет – и начнет тут интриги крутить...

– Окоротим, – пообещала Соня.

– А хоть портрет ее есть? Хоть что-то?

– Алеша, что-то есть, но...

Лист бумаги, выложенный на стол, воображение не потрясал. Самым выдающимся на портрете девушки был нос.

– Там, между прочим, и свободный принц есть. Георг Датский.

– Та-ак...

– Предлагаю обменяться. Они нам Ульрику, мы им Катеньку.

– Думаешь?

– Чего тут думать? О приданом сговоримся... Вы более-менее в одном возрасте, сумеешь произвести впечатление – получишь девчонку. А с Катериной я поработаю. Пошлем посольство?

– Что собой представляет этот Георг?

– Пустое место. Тень отца. Ум там весь достался его старшему брату Кристиану.

– И ты хочешь такого Катюшке?

– Умной жене хватит. Справится.

– И у нас останутся – кто?

– Марья. Феодосия. Володя. Наташа.

– Ах да, еще Ванечка. Так кого ты для него выбрала?

– Изабеллу Луизу де Бейру.

– Кто такая?

– Дочь Педру. Португальский король из династии Браганса.

– Сонь, вроде бы ее с Савойским пытаются сговорить? – Иван знал, о ком идет речь, но как хорошую партию не рассматривал.

– Разберемся. Если Леопольд влезет – договориться сможем.

– Думаешь?

– Они с Савойским кузены. К тому же, если Виктор на ней женится, станет консортом, пока у малышки не появится брат. А его родителям это не нравится.

– Кому б понравилось. Погоди, так она одна – наследница?

– Пока да. Но у Педру молодая жена, так что можно рассчитывать на появление наследника. Пусть старается лучше.

– Соня, не то чтобы я был против, но неужели никого больше найти нельзя?

Софья вздохнула. Потерла лоб рукой и печально посмотрела на брата.

– Боюсь, милый братец, что это – окончательные варианты. Европейки нам не подходят, особенно взрослые. Для них нормально не мыться, собирать вшей на возлюбленном, гадить где попало, хоть в углу дворца, заводить любовников... Между прочим, считается очень немодным, если муж и жена любят друг друга. Просто вульгарным. Вот стадо любовников и отряд любовниц – это элегантно. И венерические заболевания – тоже.

– Спасибо. Я понял.

Алексея аж передернуло.

– Дания все-таки рядом, не настолько они там дикие. А Изабелла... пусть Белла. Неглупа, по моим данным. Ее развивают, все-таки предстоит стать королевой, пока нет братьев. С ней занимаются, ее воспитывают. И в то же время – она еще молода. Если выписать сюда – будет хорошая жена для Ванюшки.

– Будет ли хорошая жена у меня?

– Лешенька, не знаю. Но если Ульрика-Элеонора тебя полюбит... Мы сможем привить ей элементарное. Да хотя бы чистоплотность. Сможем! Я очень надеюсь сделать из нее

еще одну опору для трона.

Алексей кивнул. Что-что, а за чистоту Софья боролась львицей. До того дошло, что в трактирах и кабаках стали предлагать таз с водой – руки вымыть! В самых дорогих трактирах в эту воду еще и для запаха что-либо добавляли. Модно! Этак омыть руки, сесть за стол, встать из-за стола, вновь омыть руки – все не о штаны вытирать!

– Полюбит ли?

– А ты постарайся. Мы поможем, чем сможем, но ведь и ты не в огороде найден? О твоих талантах я от девушек слышана...

– Ох и лиса ты, Соня.

– Алешенька, так ведь тут все просто. Чтобы девушка в такого, как ты, влюбилась – ни ума, ни таланта не надобно. Ты в зеркало-то погляди: красавец, умница, государь... чего еще?

– Не знаю. Соня, а если так получится, что не срастется?

– Ты, Ванечка, Володя. Неуж не подберем пары? Да и на этих двоих свет клином не сошелся. На крайний случай есть еще пара вариантов, но больно они... Спиной ты к такой же не повернуться не сможешь.

– Логично. Ладно, будем договариваться с Леопольдом. Он подписывает для нас договор, Изабелла выезжает к нам, а войска выступают к ним?

– Примерно так.

– Это по Ваниной жене. А я...

– А ты едешь свататься. То есть сначала зашлем послов, и быстро. А потом и сам съездишь. Чай, не переломимся.

– Бояре вой поднимут. Не по чину...

– Побольше повоюют – поменьше поболеют. Управимся.

Софья перевела дух. Осторожно так. Алешка вроде бы ничего не заподозрил – и слава богу. Но... она действительно собиралась сама подобрать ему жену. *Правильную.*

Семья – это упряжка из двух лошадей, и тянуть они должны в одну сторону. Вот как они с Ванечкой. Ему интересны финансы, ей – политика, а если в одну упряжку впрягли коня и трепетную лань, дело кончится сдохшим от перенапряга конем и радостно ускакавшей к иным жеребцам ланью. О чем не худо бы и мужчинам помнить.

Ей не нужно, чтобы Алешка отвлекался на проблемы в семье. А вот если жена брата возьмет на себя что-то из разрастающихся обязанностей – хорошо. Ульрика-Элеонора не красotka, но не глупа, по отзывам людей. А это – главное. А еще – не честолюбива. То есть вообще. Не дал ей Бог когтей и клыков, не в отца пошла. Если что – пусть Алексей ей хоть детей сделает. Ну и по землям там посмотрим, что с приданным. И Ване была бы невеста на славу. Куракин очень положительно о фамилии Браганса отзывался. Опять же, про эту династию Софья как-то слышала. На экскурсии, в Лиссабоне. И что приятно – семейной шизофренией или лошадиной, простите, габсбургской губой они не отягощены. Уже много! Жаль, что больше не слушала, а стоило тогда не хло-

пать ушами!

Но знать бы, где падать!

Софья вообще считала, что истории в школах уделяется недопустимо малое время. Теперь...

Раньше-то она на математику налегала, физику, химию, языки учила... Хотя это и сейчас пригодилось.

– А что получит Михайло? Ему же предстоит участвовать?

Софья тряхнула головой, отвлекаясь от посторонних мыслей.

– Конечно получит. Как раз откусит у турок кусок земли по Днестру. Он-то с турками мира не заключал, те просто вымелись, разбитые. Вот и сквитается. Наши и его войска под командованием Яна Собесского отправятся на помощь, но не все, далеко не все. Кое-кто пойдет в другую сторону. Под командованием пана Лянцкоронского.

– Ежи уже просился его отпустить?

– Просился.

– Отпустишь?

– Бася уже отпустила, – пожала плечами Софья. – Понимает, что долго ротмистр при ней не высидит. Орла в клетке не удержишь, так что пусть съездит. С Яном.

– Не к полякам?

– На родину ему пока нельзя. Езерковские до сих пор бегутся, Марфа мне отписала.

– Давно писала-то? – заинтересовался Ванечка. – Только

про Езерковских?

Софья кивнула на стол, заваленный бумагами.

– Потом возьмешь, считаешь. У вас переписка серьезная, деловая, а у нас что? Сплетни бабские...

– Соня, уши надеру, – пригрозил Алексей.

Царевна пожала плечами с невинным видом.

– Ну ладно... оно и пришло-то с час назад, я просто сказать не успела. Марфа пишет, что дети живы-здоровы, что муж доволен и счастлив, что паны шипят, но терпят. Их, конечно, слегка прижали, но им же и способы заработка предоставляют. Казна даже помогает самым бедным. С тем чтобы они лет за десять ссуду выплатили и дальше только налоги отдавали. Так что пока вроде не бунтуют, плюс еще методика пауков в банке действует. Несколько десятков панов сейчас междоусобицами заняты, им не до короля.

– Это хорошо. А еще?

– Езерковские до сих пор недовольны, недавно одним меньше стало. Вздумал, дурак, Елену задеть. Высказался, что не стоило бы подстилок в приличное-то общество тащить...

– Дура-ак... – согласно протянул Ваня.

– Собесский его, конечно, нашинковал что твою капусту. За любимую женщину-от, почти жену...

– Жену?

– Ян поговаривает о женитьбе. Правда, пока, после Марии, не решается еще...

– Тьфу, стерва, – сплюнул Алексей. Видел он пани Собескую. Хороша, конечно, Маша, да и слава богу, что не наша.

Софья усмехнулась. Да уж. Сколько труда стоило свести Марию с Голицыным. Хорошо хоть мужчина опытным «бабукладчиком» оказался: такого наплел, что дама не только уши – что угодно развесила. Софья бы и сама... Хотя нет. Для ее века Голицын квалификацией не вышел.

А вот для Марии в самый раз оказалось. Целый спектакль тогда в Дьяково разыграли. С восхищенными охами, вздохами, цветами, попыткой побега и, разумеется, с вознаграждением верного рыцаря. Тем самым способом.

Мало того – пришлось ему даму брюхатить, что тоже составило определенную проблему: Мария ведь ребенка не хотела. Но в итоге все удалось. Подменили ей все противозачаточные на витаминки – и получили приплод.

Сейчас ребенок, которого назвали Константином, воспитывался в подходящей приемной семье, а сама Мария Луиза под именем сестры Прасковьи обживала отдаленный сибирский монастырь. Там ей и предстояло оставаться до смерти, хоть и с минимальным комфортом. Пусть на прополку овощей ее не погонят, но и за стены не выпустят. Ори, не ори...

Конечно, Мария была католичкой, а монастырь – православным, но Софье на это было наплевать. Не впервые монастыри использовались как тюрьмы для высокопоставленных дам, ой не впервые. А куда еще? В ссылки бегут, в монастыре же... алгоритм отработан. Имени – и то за стенами

не узнают. Постриг Мария не приняла, но чтобы замаливать грехи, его и не требовалось. Не отправлять же ее обратно в Польшу, где она может сбежать, еще и мстить начать? Ни к чему такие развлечения. Ни Яну, ни Михайле. Сибирь – это надежно, а главное – далеко.

Вины за собой Софья не чувствовала. Пусть потом с нее за это спросят.

– Будем надеяться, следующая пани Собесская будет уже наша.

– Тебе, сестренка, дай волю, ты всей Европой таким образом управлять будешь.

Софья фыркнула:

– Таким – не буду. У них там сифилис гуляет, и вши стадами бродят, а мы – народ чистоплотный. И порядочный. Ладно, давайте прикинем, что можно дать с собой войскам, какие новинки?

– Да никаких, – пожал плечами Алексей.

– Почему? – удивилась Соня.

– Жалко.

– Эм-м-м...

Софье тоже было жалко. А людей не жальче? Алексей понял ее правильно.

– Соня, а зачем? Брать крепости нам там не надо, только обороняться, а в обороне динамит так уж не нужен.

– Тоже верно.

– И греческий огонь на суше ни к чему, а на море не мы

воевать будем.

– Да какая там война на море? У них же морских границ нет? У Священной Римской?

– И что? Это кому-то мешает высаживать войска на берег? Перевозить фураж, оружие?

Не мешало. Никогда.

– Так что... отдавать греческий огонь в другие руки не будем, а сами не воюем – вот и не надо. Ни к чему раскрывать секреты.

– Думаешь, никто еще не знает?

– Думаю, мало кого интересует, что тут у нас происходит. Дикая Русь и все такое. Но нам это лишь на пользу. Нечего светить свои военные новинки в Европе.

Софья понимала. И все же, все же...

– Хоть пушки им дать нормальные?

– Пушки, пищали, тут я согласен. Но ни динамит, ни греческий огонь. И своих ребят туда посылать не позволю!

– Алеша...

– Соня. Я сказал – нет.

Софья вздохнула.

Ну и ладно. Вообще-то она и не собиралась, но... Брату сегодня и так досталось с женитьбой, теперь ему надо показать, кто тут главный. И разумеется – он.

А говорить, что она давно уже распорядилась отобрать оружие, а химические новинки в Европу отправлять так и так не станет, – ни к чему.

Молчу, молчу...

* * *

Эдмунд Галлей бросил на стойку несколько медных монет. Трактирщик посмотрел на них презрительным взглядом, но потом сгреб медяки в ладонь и молча налил эля.

Юноше было откровенно грустно и тоскливо. Ну да, он опубликовал свою работу об орбитах планет и описал в ней неравенство Юпитера и Сатурна. И ведь он прав! У одной планеты скорость все время увеличивалась, у второй уменьшалась...

Но почему вдруг работа вызвала такую негативную реакцию?!

Над ним смеялись... пусть не в лицо, но за спиной – да! Мол, как это так?! Ежели одна планета все время ускоряется, а вторая замедляется, то почему они еще летают по тем же орбитам? Почему одна из них не рухнула на землю, а вторая не улетела?

Он знал, кто именно смеется, ему любезно пересказывали шуточки, в травле участвовали, казалось, все, от студентов до профессоров. И особенно усердствовал мистер Джон Флемстид. Еще бы, первый королевский астроном, молитвенник на тонких ножках! Пастор, брюзга и зануда, который не терпел конкуренции. А Галлей знал, что он более умен и талантлив! Но – увы.

Он бы отстаивал свои теории, но его попросту не слышали! Не слушали!

Даже отец прислал письмо, в котором сообщил, что своим поведением Эдмунд позорит семью! И пока не займется делом – не получит больше ни пенса! Легко ли это услышать в неполные двадцать один год?!

Ох тяжко...

А он-то надеялся, если работа будет принята благосклонно, попробовать заинтересовать Королевское Общество своим проектом, хотел съездить на остров Святой Елены... Но куда уж там.

– Вы позволите, господин?

Эдмунд мрачно поднял глаза от кружки.

Рядом с его столом стоял молодой человек, пожалуй, чуть постарше Эдмунда. Располагающее лицо, светлые волосы, голубые глаза, улыбка такая... хорошая. Да и одет достаточно дорого, это сын торговца мог определить. Дорогая шерсть, покррой камзола, великолепное оружие, неброская отделка плаща и шляпы – вроде бы ничего вычурного или бросающегося в глаза, но в таком виде и к королю пожаловать можно. Разве что парика нет. И украшений.

Странно, ну да мало ли у кого какие привычки.

– Присаживайтесь, сэр.

Мужчины какое-то время сидели молча, приглядывались друг к другу, но первым молчание нарушил незнакомец.

– Я заказал обед. Не соблаговолите составить мне компа-

нию, господин Галлей?

– Позвольте? – удивился Эдмунд. – Но мы не знакомы...

– Это верно, мы не представлены, но все же я вас знаю. И, увидев, не смог не подойти. Разве я могу не выразить свое восхищение вашим талантом астронома?

– Простите, господин...

– Джон Свамп, к вашим услугам.

– Джон... Свамп?

– Это очень приблизительный перевод моей фамилии. На родине меня зовут *Иван Болотин*, но в Англии мое имя можно произнести именно так.

– Ивь... ан Боль... оть... ин... – Эдмунд попробовал произнести непривычное имя и внутренне поморщился. Язык сломаетесь!

Юноша весело улыбнулся.

– Чтобы избежать таких проблем, можете называть меня Джоном. Должен сказать, у вас потрясающие знания. И я специально приезжал в Оксфорд за вашей книгой. Господин Исак очень просил привезти в университет экземпляр. А лучше – несколько.

– Господин Исак? Университет?

Голова у Эдмунда пошла кругом. Джон достал экземпляр его книги.

– Исак Ньютон, разумеется. Ректор Университета Государева.

– Государева?

– Государя Алексея Алексеевича Романова. Русского царя.

Эдмунд кивнул. Да, теперь все стало на свои места. И верно... Ходили слухи, что на Руси создали Университет, но просвещенные люди над этим больше подсмеивались. Ну на что способны эти варвары? У них же там вечные морозы, холода... Какая там наука?

Но вот сидит Джон, держит его книгу и что-то говорит.

Не доведенное до конца исследование? Углубить и расширить выводы? И кое-что обобщить? Ну-ка...

Минут через десять Галлей был уже увлечен настолько, что едва не принялся писать вином, случайно обмакнув перо в кубок вместо чернильницы. А спустя еще два часа договорился с новым другом до того, что собрался отправляться на Русь.

К черту ли ту Святую Елену?! Стоял остров – и еще постоит, не потонет! Зато на Руси он сможет пообщаться с господином Исаком, да и другие ученые, которых называл Джон, также были известны и интересны...

Съездить ли на Русь?!

Конечно съездить! Тем более русский король оплачивает все расходы, взамен прося господина Галлея только прочесть курс лекций по астрономии в Университете. И – да: обязательно изложить свою теорию о движении планет.

Кто ж откажется?

Ваня смотрел на пьяненького англичанина чуть насмеш-

ливо. Вот ведь что хмельное с человеком делает, даже с самым лучшим. И верно, хорошо царевич у них в школе сделал. Хоть раз – да каждый из учеников должен был напиться впьянь, до свинского состояния. Посмотреть на себя такого и понять, где мера и почему пить не стоит. Никто и не пил. Разве что вот так, когда надобно... и то Иван умудрялся половину под стол лить.

Вот и еще один человек присоединится к Университету. Царевна Софья очень хотела его видеть. Даже настаивала, говоря, что он умница, и если его не загубят, то Галлей станет великим астрономом. Вот Ваня и подсуетился.

Натравить людей на Галлея было несложно – никто не любит молодых, ранних и умных. Это не Русь, тут талантливых давят ровно клопов. Ну а потом доверительный разговор, чуть внимания, много алкоголя – и контракт подписан.

Эдмунд Галлей обязался приехать на Русь и прочитать курс лекций. А уж уезжать он и сам не захочет. Никто еще не захотел. Даже несмотря на то что на Руси не было театров и не устраивали балов, ученые не стремились обратно в Европу. Большинству из них нужно спокойно работать – и у них имелось все необходимое. Место, деньги, помощники... Любая, даже самая безумная идея могла воплотиться. Что еще надо настоящему фанатику науки? И где в Европе можно найти место, в котором можно работать спокойно, не отвлекаясь на дразги? Где твои лекции слушают с восторгом? Не уедет.

Никто еще по доброй воле с Руси не уезжал.

* * *

– Соня, кто такой Имре Текели?

Софья задумалась. В мозгу зашелестели незримые листы картотеки, собранной за долгие годы и неустанно пополняемой.

Венгрия – Леопольд – Текели – Дракула – Ракоци...

– Да, был такой. Сын Штефана Текели, венгра, который бунтовал против Леопольда. Вроде как бежал в Трансильванию, чтобы не отсекли ненужное. Пытается стать достойным преемником Ракоци, но куда ему. А что случилось, Алешенька?

– Читай. Грамотка тут пришла...

Софья ловко поймала пергаментный свиток со здоровущей печатью, развернула, вчиталась.

Латынь она отлично знала, как и любой образованный человек. Выучила. Пришлось.

В самых вежливых и изящных выражениях господин Текели сообщал, что вот он, мечтая о независимости Великой Венгрии... так, ну, бла-бла-бла пропустим... одним словом, человек мечтает о власти и славе. А – шиш.

Кусок авторитета, хоть и незначительный, он себе отгрыз, как говорится, на *энтузазизме*. Опять же, *куруцей* на свою сторону привлекает. А куда потом?

Как говорится, для войны нужны три вещи: деньги, деньги и еще раз деньги. Где деньги, Зин?

В Трансильвании, которую со времен Дракулы обдирали так, что, ей-ей, вампиры казались бы благом? В Венгрии, кою обдирали Священноримские правители? В Румынии? Что-то подсказывало Софье, что, выбирая между вампирами и сборщиками налогов, народ выбрал бы первых. Гемоглобин-то восстановим, а вот денег – нет! Вообще нет.

Нигде нет.

Короче – кризис экономики. Эх, и тут от них не скрыться...

И что там дальше?

Ну, может, конечно, гражданин Имре прогнуться под великую Турцию. Принять мусульманство и даже обрезание сделать – вдруг денюжку дадут? Но народ будет недоволен. То есть растопчут в мгновение ока. Танком переедут. Слоном боевым перейдут. Вот почему в Трансильвании не любят турок? Станный вопрос...

А может и прогнуться под Русь-матушку.

Но нужен ли этот кусок на Руси?

У Софьи руки чесались замахнуться на великую державу и вообще сваять Советский Союз, назвав его другим именем. Что поделать – она росла и жила в то время, когда СССР был великой империей, а при словах «русские идут» правители остальных держав начинали вздрагивать и мелко креститься.

Но сейчас ей не потянуть.

Ни ей, ни Лешке, ни Руси, что самое важное.

А вот Михайле Трансильвания очень удачно придется. Отгрызть бы Молдавию – это хотя бы реально...

Но всю Венгрию?

Трансильвания идет в комплекте с Венгрией, а той независимости еще долго не добиться. Сил не хватит, зато вот гордости – с лихвой. И получается грустно. Отколоться от Австрии – можно. Но Леопольд тут же пригонит обратно. Палкой, для пущей доходчивости. Найти кого-то достаточно сильного? Поляки сильны, но венгры искренне считают, что они более родовиты. Может, так оно и есть. Кстати, историю Венгрии Софья не знала вообще, да и не важно это было. Не лягут они под поляков. А вот как насчет братской помощи? Или вассалитета?

Хочется им независимости? Пусть Имре будет независимым, пусть! Но под покровительством Великой Польши! А что? У них и границы общие, и из Крыма можно снабжение наладить, опять же, русские в войне если и будут участвовать – то только под польским флагом.

Софья совсем по-детски хихикнула, вспомнив про боевых летчиков Ли Си Цинов и Ван Ю Шинов. А что? Будут brave поляки Иванов, Петров и Сидоров под командованием пана Володыевского. Как вы яхту назовете, так ее и в политике примут.

Паны, опять же, будут заинтересованы, а то нельзя все время повышать давление в котле. Рано или поздно может

сорвать крышку, а еще одной войны на Руси не надобно. Пусть лучше Польша пока остается дружественным государством, а потом, если повезет, объединятся две страны. Только вот с браками – не надо.

Сыты по горло коронованными идиотами и прочей генетической швалью. Не-ет, и при своей жизни она родословную портить не даст, и потомкам завещает. Пусть на все изжоги идут, пусть хоть детей от жен подменяют на детей от любовниц, но на троне не должно быть генетически дефектных царей. Надо бы еще основы генетики изложить сэру Исаку – кто там у него сейчас этим занимается?

Много Софья рассказать не могла, но ведь сейчас и это малое неизвестно. И вообще, главное знать, куда копать, а как копать, какой лопатой...

Она знает *что*.

Ученые найдут – *как*.

Но это потом, потом. А покамест... Надобно узнать точнее, что там происходит.

Софья решительно принялась строчить указания осведомителям.

* * *

Илона Зриньи смотрела в будущее с тоской. Да еще с какой. Легко, ой как легко жить, когда тебе пятнадцать, когда ты весела и беззаботна. Легко жить и под крылом сильного

и умного мужа, любить его, рожать детей и каждый день молить Бога, чтобы дал еще денек. Хоть один, потому что Ференц был Ракоци. До последней капли крови, до мозга костей... и рано или поздно его должны были убить. Как ее отца, как деда...

Она понимала это, понимал и Ференц – и вместо того, чтобы позволить жене превратиться в нежную и трепетную лилию, растил злую колючку. Пусть – роза. Но с шипами, а не с цветами.

Легко умереть вместе с тем, кого любишь. А вот сохранить все, что есть у него, преумножить, передать детям...

Она – сможет?

Были, были у нее сомнения. Иногда и самая сильная женщина может позволить себе минуту слабости, плача навзрыд там, где ее никто не увидит, кроме птиц. На западной башне замка.

Ференц, ох, Ферек... зачем, за что, как же так...

Вопроса «кто?» она не задавала. Ни на минуту не задавала с тех пор, как у мужа начались боли и они заподозрили яд. Леопольд, кто же еще?! Габсбурги, будьте вы прокляты!!!

Род Ракоци древний и сильный, и Илона подозревала, что мужа отравили не просто так. Если бы Ферек скликал народ под свои знамена – встали бы и стар и млад. А кто еще кроме него?

Некому... И Ферека нет.

Из горла непроизвольно вырвалось рыдание. Теперь надо

отнять у нее сына, сделать из него марионетку – и она будет плясать под ниточки императора...

Не отдам!!!

Руки сжались в кулаки. Людям не отдам, смерти не отдам... Женщина кусала подушку, чтобы младенец не слышал ее рыданий. А выть хотелось...

Я справлюсь.

Я выдержу...

Кто бы мог подумать, что в этой красивой черноволосой женщине будет столько внутренней силы? Все, что есть у нее, жизнь, честь и душу, отдала бы Илона за свободу родной страны. Кровь позволила по капле выцедить. Отец, мать, деды и прадеды мечтали о свободе. Свободе от Римской Империи, от Габсбургов... за что и платили кровью.

Даже не за дела, за мечты. Леопольд, а до него и множество других императоров, ревниво охранял свои владения, выжигая даже намек на крамолу. Ни один заговор пока еще не увенчался успехом, ни один...

Все погибали.

Прадеды и прабабки, деды, отец, мать, теперь вот муж... скосит ли ее неумолимая коса? Илона подозревала, что да. Но пока она еще жива! Она будет, видит бог, она станет бороться до последнего! Пусть не она увидит свободную Венгрию, пусть ее дети и внуки, но они доживут! Свобода будет гореть у них в крови, равно как и у нее.

Свобода...

В зал Илона спустится спокойная. Как и всегда после смерти мужа, в траурном уборе. Займется делами, будет говорить, улыбаться, выслушивать людей с их бедами, проверять отчеты управляющих, разгонять воронье, слетевшееся в замок...

Родственники, родственники... и откуда только эти твари выползают?! Где они были, когда Ферек пытался найти помощь?! Где они были, когда он умирал от яда?!

Где?!

Зато сейчас выползли из нор, жала выпустили, зашипели, что те гадюки...

Помогут они... Ага, помогут, как же!

Илона боялась.

За себя, за младенца, за дочь... за свою землю и своих людей. А помощи ждать неоткуда. И двигалась неодолимой волной турецкая армия, и... что же будет?!

Страшно.

* * *

– Ваше высочество!

– Сеньорита Изабелла!

Голоса гувернанток разносились по саду, буквально раздирая воздух. Девочка поморщилась, но из укрытия не вышла. Нет уж! Надоели! Опять будут танцами мучить! А неохота... она бы лучше сейчас поиграла с любимой собач-

кой. Вот кстати...

– Кики...

Подзывать малыша приходилось шепотом. Услышат еще...

Но песик почему-то не шел.

– Ваше высочество...

Шепот был также очень тихим. Изабелла обернулась и увидела девушку. Та тоже пряталась за кустами, держа на руках предателя Кики. Крохотный песик породы бишон фризе, которого почесывали за ушками, выглядел абсолютно счастливым. Девочка прищурилась, вспоминая.

Где же она ее видела? Нет, не упомнить... Дворец короля хоть и не был проходным двором, но запомнить всех просто нет возможности.

– Сеньорита...

– Меня зовут Анита, я кузина русского посла. Идемте, ваше высочество, а то сейчас эта стая чаек до нас доберется.

– Куда?

– Спрячемся от них?

Белле того и хотелось, так что, пригибаясь и оглядываясь, она последовала за девушкой. Несколько минут плутаний в саду – и они вышли к симпатичной беседке, заросшей виноградом так, что и входа не видно было.

– Ваше высочество?

Изабелла первой скользнула внутрь. Тихо, спокойно, а главное – ни одной фрейлины. Девушка, войдя вслед за

принцессой, вручила ей Кики – и осталась стоять у входа. Изабелла подумала, а потом указала на подушку.

– Присаживайтесь, сеньорита Анита.

– Благодарю, ваше высочество.

Та ловко скользнула на подушки.

– Расскажите о Руси? Правда, что там постоянно темнота и холода? Говорят, там такие морозы, что птицы на лету замерзают?

Анита улыбнулась:

– Что вы, ваше высочество! У нас есть и зима, и лето...

Через два часа они выбрались из беседки, чтобы разойтись в разные стороны.

И вновь встретиться немного позднее. Изабелла хвасталась своим Кики, и Анита рассказала, что на Руси разводят и дрессируют хорьков. Даже сказала, что у нее с собой есть питомец. И – самое главное – обещала принести его и показать! А если принцессе понравится – то и подарить.

Поскольку фрейлины наверняка не дали бы спокойно поиграть с экзотической зверушкой, конечно, первая встреча должна была состояться подальше от этого... престарелого курятника, как ехидно выразилась новая знакомая. Да и послушать еще о Руси хотелось. Да, конечно, Изабелла в жизни там не побывает, но... интересно же!

Анита, она же Анна Перышкина, одна из Софьиных воспитанниц, только усмехалась. У нее было другое мнение на этот счет. Не побывает?

Ой не зарекайся...

Царевна Софья уже прислала записочку, так что Изабеллу надо потихоньку заинтересовать Русью. Пусть та станет для девочки страной сказок. Тогда и поездка пройдет спокойнее, да и начальная обработка...

А вообще – насколько ж умна царевна! Глядя на девочку, Анна понимала, что из нее получится хорошая королева. Неглупая, любопытная, ясноглазая – от такой хорошие дети будут. А если ее еще мыться приучить да к здоровой пище...

Хорек, между прочим, был одним из дюжины, которую привезли с собой – и был специально приучен не жрать тухлятину, как ни маскируй. Скоро Изабелла начнет отказываться от плохой воды и пищи, мотивируя тем, что такое даже Рикки не ест! А вы человека накормить хотите?

Еще хорек был умен, спал на подушке рядом с человеком, ластился, чтобы его погладили, без устали играл с бумажкой и отлично ловил крыс и мышей. Скоро, очень скоро экзотическая игрушка займет свое место рядом с принцессой.

А дальше – больше. Сложен только первый шаг.

Сколько времени пришлось выслеживать девочку! Больше месяца! Но что такое удача? Это – труд. Девяносто процентов труда, и уж десять можно оставить на стечение обстоятельств. Так говорила царевна, и Анна принимала эту истину всей душой. Давно ли она была воровкой и пряталась по подворотням?

Сейчас она доверенное лицо царевны, и прятаться при-

ходится уже во дворцах. Роскошное платье, драгоценности, кружева и золото...

Но работа-то привычная!

Стоит ли упоминать, что на следующий день принцесса потихоньку удрала в беседку, откуда и вернулась с роскошным хорьком на плече.

Конечно, Кики ревновал, но недолго. Хорек, существо чрезвычайно активное и любопытное, быстро научился играть с собачкой – и теперь они служили неиссякаемым источником забав для всех фрейлин принцессы, да и для нее самой. А Анита все рассказывала и рассказывала девочке о Руси. И все больше любопытства было в глазах Изабеллы.

Софья была бы довольна.

* * *

Получив письмо от польского короля, Леопольд изволил огневаться.

Как?!

Эти варвары... эти однодневки... этот схизматик ему еще и условия ставит?! Справедливости ради условия ставил русский царь, но все-таки! Он император Священной Римской Империи, его поддерживает Папа Римский, он один из самых...

И турки стоят у него на пороге. Одному не отбиться.
Польша?

Придут они или не придут – вопрос. Но коли он сейчас русскому царю откажет – можно не сомневаться, что поляки дома останутся. А зачем им воевать идти? У них сейчас и дома весело и интересно. В Польше было... сложное настроение, иначе и не скажешь.

Паны – та еще вольница, укротить которую пока еще не мог ни один король. Михайло не стал бы исключением: или отравили бы, или зарезали, или еще чего... Но звезды решились для разнообразия сложиться очень удачно.

Сначала тягостная война с Русью, в которой много кого вырезали. Потом победная война с Турцией, в ходе которой Михайло приобрел верные войска, а паны на полгода так и вовсе прижухли – народ бы их на части порвал за государя. Мало того – еще и успешный поход в Крым, в который отправилась часть недовольных, и далеко не все вернулись. Да и Ян Собесский короля поддерживал. Тоже... сила.

А противовеса этим двоим пока не находилось.

Может, и нашелся бы кто, да на то время надобно. А еще деньги и вдохновитель. И пока...

К тому же, как опытный интриган, Леопольд мог распознать схожую работу – и видел, как словно исподволь стравливаются панские кланы, как ссорятся соседи, как корона съедает то одного, то другого, оставаясь вроде ни при чем...

В другое время он бы помог с огромным удовольствием, да еще себе кусочек отгрыз от поляков, немаленький такой. Только вот сейчас, при смычке Польши с Русью, если его

вмешательство обнаружат – это станет самоубийством.

И так много кто на него зубы точит.

Но не отдавать же этому варвару принцессу? Да и Педру...
Безусловно, ему договориться куда как легче, но...

Эти варвары!!!

И массивная золотая чернильница таки полетела в стену, пятная дорожку, с золотым же тиснением алую кожу обивки.

Впрочем, перебесившись, Леопольд стал соображать намного лучше. И вызванный им секретарь послушно застроил письмо под диктовку господина.

Невесту хотите?

Так вы сами от нее откажетесь! А пока – милости ждем на помощь!

* * *

Ульрика вышивала. Сие занятие приличное и принцессе подобающее. Щебетали дамы, рассказывали какие-то истории – она не слушала. Она размышляла о своем.

Карл...

Высокий стройный юноша с грустным собачьим взором, коего она видела два раза в жизни. Ее нареченный. Жених...
Король Швеции, Готов и Вендов.

Один раз она видела его, когда брат отдавал ее руку Карлу. Второй раз – тем же вечером на балу. Карл пригласил ее на танец, кружил, говорил заученные комплименты, а глаза

были... равнодушными.

Увы.

Ульрика отлично понимала, что она – не красавица. Но разве мало другого? Доброй души? Сердца? Порядочности и преданности? Неужели блестящие глаза и высокая грудь той же Мари (принцесса с легкой неприязнью покосилась на фрейлину, но тут же устыдилась: Мари ведь не виновата ни в своей красоте, ни в некрасивости Ульрики) в глазах мужчин перевешивают все остальное?

Ульрика понимала, что ее брак будет политическим – и готова была отдать свою руку и свою преданность мужу. Но... Сможет ли? Карл сейчас – враг. Швеция воюет с Данией. А что делать ей, как быть? Предать брата или жениха?

Ульрика не знала. Тем более что брата она любила, а жениха – нет. И вряд ли Карл сможет завоевать ее любовь. Верность – да. Но сердце ее навек останется пустым и холодным. И думать об этом больно.

– Оставьте нас.

Кристиан незамеченным вошел в покои, жестом остановил сестру, которая намеревалась склониться в реверансе.

– Сиди, сестра. Я пришел поговорить.

Дамы поспешно выходили из комнаты. Ульрика не глядя могла бы сказать, у кого из них что-то было с братом. Кто стрелял глазками, кто смотрел с надеждой. Наконец за последней плотно закрылась дверь, и Кристиан даже проверил ее. Вернулся к сестре, и только тогда она заговорила:

– Да, мой дорогой брат?

– Сегодня я получил письмо от русского государя. Нам обещана помощь в войне со Швецией, если мы отдадим ему руку нашей принцессы.

Ульрика замерла, словно заяц в тени филина.

– Но...

– Да. Я так решил.

Ульрика сжала руки.

– Но брат мой...

Кристиан покровительственно улыбнулся, погладил ее по судорожно сжатым пальцам. «Ах, сестренка, власть вымораживает все лучшее в человеке, но я не настолько еще король, чтобы пожертвовать тобой».

– Сидите и слушайте, сестра. Русь недалеко, я не отдаю вас замуж в совершенно чужую страну. Русский государь молод, кажется, он всего на пару лет старше вас. Карл же младше вас на четыре года. Это не имеет значения в политике, но мне хотелось бы счастья для сестры.

А для себя – поддержки могущественного соседа, в союзе с которым можно оторвать хоро-оший кусок от Швеции.

– Или вы будете утверждать, что любите Карла?

Ульрика пожала плечами. Посмотрела в лицо брату и высказалась честно, как и всегда:

– Нет, брат мой. Мне он безразличен.

– Я так и думал, что все эти слезы о верности клятвам и вашей любви – не более чем предлог для отказа Леопольду.

Ульрика усмехнулась:

– Верно, брат. И все же... Не стоит меня за это осуждать?

– Поверь, сестра, если бы мне было выгодно... но Леопольд стар, он далеко и слава его... м-да. Ладно, не будем о грустном. Кроме того, Георгу предлагают русскую принцессу в жены. Катрин... ее имя Катрин.

– Ваше величество, возможно, у вас есть портреты?

Портреты были.

С одного улыбался красавец, равного которому Ульрика еще не видела. Веселая улыбка, шапка золотых кудрей, шальные синие глаза...

И сердце кольнула холодная иголочка. Она-то самая обычная. Разве ему такая нужна? Рядом с ним должна быть другая, совсем другая. Высокая, черноволосая, с сияющими глазами. А она – что она? Никакая...

– А второй?

На втором портрете, миниатюре размером с ладошку, была нарисована также красавица. Светловолосая, синеглазая, с обворожительной улыбкой.

– Принцесса Катерина.

Иголочка кольнула еще раз. Брат и сестра были похожи даже на портрете, значит, сильно живописец не приврал. Приукрасить-то – обычное дело. Но не здесь.

Ульрика не знала, что Софья распорядилась писать портреты с натуры, не льстя и не приукрашивая, и одного художника даже выгнали за излишнюю льстивость. Лучше не оча-

ровываться, чем разочароваться.

Не приняла она во внимание и законы генетики.

Близкородственное скрещивание царских династий, браки с двоюродными и троюродными сестрами давали печальную картину. Узкие плечи, нездоровые лица... Романовы пока еще не испортили себе ни внешность, ни наследственность, выбирая в жены не тех, кого надо, а тех, кто молод, здоров и красив. Что Алексей Михайлович в молодости был красавцем, что жена его до смерти все взгляды приковывала.

Смешно сказать, но больше всего, наверное, не повезло царевне Софье, у которой черты родителей соединились в нечто достаточно неприметное. А вот остальные дети унаследовали выразительные черты матери и краски отца. Глаза, кудри...

– Но ты же...

– Георг женится на англичанке, как и планировали. Это брак выгодный, не стоит упускать. А вот тебя можно и выдать замуж. Мир скрепим, договор подпишем.

– И как...

Голос изменил девушке, дрогнул, сорвался.

– Я отпишу, что согласен. И предварительно обговорим... всякое. А через три месяца...

– Это же так мало!

– Почему же? Тряпок тебе не хватит? Так на Руси иная мода, твои платья там и на занавески не сгодятся.

Ульрика поникла.

И верно, иная.

И жизнь там иная, и требовать от нее будут иного, и языка она не знает, и... брату это глубоко безразлично! Он уже все решил! А ей остается только подчиняться – даже через слезы.

Брат чуть приобнял сестру за плечи.

– Не падай духом, малышка. Я обещал отцу позаботиться о тебе, и я это сделаю. Алексей Алексеевич неплохой человек и государь. Он уже выиграл несколько войн. К тому же он рано остался без родителей, как и мы с тобой. А у Карла, если помнишь, сейчас заправляют мать и канцлер. Вряд ли ты найдешь с ними общий язык. Да и наша с ними война не прибавит тебе популярности.

Ульрика помнила. Карл был пока еще несовершеннолетним. Но...

Страшно.

А кому бы не было, на ее-то месте? Ошибешься в выборе – и конец, это ведь не лошадь на ярмарке, это на всю жизнь. А тут даже не ты – за тебя все уже решили и выбрали.

– Правду ли говорят, что на Руси женщинам из терема выходить нельзя? Только в церковь да на кладбище?

– А ты об этом с будущим мужем переговори. Верю, он умный человек и достойный.

Ульрика поникла головой. Брат-то верил. А как быть ей? Хотя что от нее сейчас зависит? Она может только соглашаться с его решением...

– Приветствую вас, герр Пфальц.

У стоящего на пороге было приятное, но незапоминающееся лицо, светлые волосы, светлые глаза. Вежливая улыбка – и прекрасные манеры. И все же...

Людвиг Пфальц оглядел мужчину пристальнее.

– Я тоже рад вас видеть, герр...

– Визель. Якоб Визель, к вашим услугам.

– Вы...

– Я из Нидерландов. Мой родной город Амстердам.

Людвиг чуть успокоился. Это все объясняло: и легкий, едва уловимый акцент, и внешность, и налет чего-то чуждого. Под тяжелой лапой Людовика Нидерланды стонали – и люди бежали оттуда. В том числе и в Вену.

– Сочувствую вам. Эти французы...

Мужчина поддержал разговор, посетовал, что стало совершенно невозможно ни жить, ни торговать из-за этой войны, рассказал, как чума забрала жизнь его жены, а он с сыновьями вынужден был уехать.

Людвиг кивал, поддакивал и все больше расслаблялся. И чего он вначале нервничал? Хороший же человек пришел! Хотя времена нынче тяжелые...

Постепенно на столе появились и бутылка вина, и кое-какая закуска, и мужчины наконец перешли к делу.

– Добрые люди рассказали, что вы хотите уехать, но не можете найти покупателя на дом. А я покинул родину не с пустыми руками...

– Мой дом дорого стоит.

Что верно, то верно. Людвиг давно хотел перебраться к детям поближе, но и продать родовое гнездо... Не за маленькие же деньги продавать уютный особнячок в Вене? Конечно, соседи шипят, что дом старый, что стоит вплотную к стене, в таком закоулке, что не каждый увидит, что крышу давно перекрывать пора, что...

Это они точно из злобы да зависти.

Вот и ждал герр Пфальц *своего* покупателя. Который поймет и оценит. А заодно даст настоящую цену за родовое гнездо Пфальцев.

И – дождался.

Вся запрошенная сумма была выплачена чистым золотом и в тот же день положена в банк. А вскоре и застучали по мостовой копыта коня, увозящего своего хозяина от ворот города. Ни на секунду не пришло ему в голову, что мужчина сей – не тот, за кого себя выдает.

Отчего ж не тот?

Человек хороший, уважительный... русский? Да что вы! Известно же, что там дикие варвары живут, они и нормальной одежды-то не носят, какие-то шубы и шапки! Конечно, он не русский.

Покупатель же...

Якоб Визель, он же Яков Вилкин, был более чем доволен. Домик отвечал всем требованиям. И стоит рядом со стеной, и место удобное, и подвал глубокий – впрочем, есть еще время и углубить его, и сделать из домика настоящую мину.

У самого, правда, таких талантов не было, ну да и не надобно. Зато с ним два парня из царевичевых воспитанников, они все сделают как надобно. Его же дело маленькое: сопровождать, договариваться. Всем ребята хороши, да вот возраст не тот. А Яков – мужчина уж в возрасте, Ординым-Нащокиным не один десяток лет прослужил. При взгляде на него любой поймет, что не вертопрах перед ним, человек солидный, с положением. И к языкам Яков зело способен, за то еще старым боярином отмечен. А сейчас и царь попросил Яшку лично ему послужить. Так неужто ж мужчина откажется?

Купить дом, пожить в нем, подготовить все надобное... Скоро, очень скоро на Вену обрушатся турецкие войска. Надо душевно встретить гостей!

* * *

Письмо Алексей Алексеевич получил. И довольно потер руки.

Кристиан соглашался без раздумий. У него сейчас шла война со Швецией. Так вот, Алексей Алексеевич обещал помочь людьми, оружием – и вообще выступить в сторону Фин-

ляндии. Софья ворчала, конечно, денег в казне не было, проекты требовали все больше и больше. Но...

У страны должно быть несколько выходов к морю. Один они уже отвоевали, но далеко не пройдут. Там на страже своих интересов стоит Османская империя и в ближайшие лет десять ее не свалить, а выход к морю нужен уже сейчас, а не когда падет колосс на глиняных ногах.

Если они получают в свое распоряжение Ревель и Нарву – считай, дорога к финнам будет открыта.

Флот Швеции?

Ха! Да эти даже с датчанами воевать на море не могли по причине его отсутствия. Так что устроиться, закрепиться, построить военные городки – и медленно продвигаться на полуостров.

Швеция, в отличие от Руси, не может позволить себе войну на два фронта. Хотя и Русь сейчас не воюет. Нет их в Европе. И – точка.

Не докажете.

Разве что Катерину вежливо отклоняли: мол, уже другую посватали. Но и тут Алексей особой беды не видел. Найдется, куда сестру пристроить.

Тут проблем не предвиделось.

Хуже обстояло дело с женой для Ванечки. Леопольд, как говаривала сестренка, «скрипя сердцем» соглашался выступить посредником. И для начала требовал денег.

Много.

А лучше – побольше, побольше...

Это-то они предвидели. Небольшой аванс уже готов, а в остальном – утром принцесса, вечером остаток денег. И никак иначе. Не то чтобы на Изабелле свет клином сошелся, но уж больно она была удобна.

Симпатичная – портрет прислали уже давно. Этакая черноволосая и черноглазая малышка с тонким носиком, которая обещала вырасти красавицей.

Неглупая – по отзывам из того же посольства. Остальное – воспитуемо.

Можно жениться и внутри страны?

Можно, кто б спорил. Но он ведь первый, кто вот так роднится. Первый из Романовых. И должен соответствовать. Должен поставить высокую планку, чтобы потом дети не подбирали абы кого. За себя он уверен. Братьям тоже подобрал – не из последних. Не по уму, так хоть по титулу и политическому весу. Но это – он.

А какие у него будут потомки?

Сложный вопрос.

Что Ульрика, что Шан, что Изабелла хороши еще тем, что за ними не стоит клан, не будет кучи родственников вокруг трона, как до сих пор выются те же Милославские, кланчат деньги, что-то требуют...

И ведь уверены, что он – должен! Причем всем им и по гроб жизни!

Прислушиваться к советам, оделять милостями, награж-

дать чинами и должностями...

Нет уж!

Обойдетесь, родненькие. Открыто вас задрать не дам, но от двора постепенно отлучу. Там оставлю пару-тройку самых безобидных. А таких, как дядька Илья, дед Иван...

В Крым бы их, к татарам! Так нет же, туда не лезли. Ни один Милославский с ним в поход не пошел, а как победу одержал, так набежали саранчой. Чуть ли не Бахчисарай им подавай в личное владение.

Софья подсказала, как отбиться. Согласиться – и тут же сообщить, что они туда и переедут. На пожизненное пребывание.

И вообще, если у вас земля здесь, зачем вам земля там? Чтобы где-то дела косо шли? Управляющий?! Нет-нет, только личное участие! Только хозяйский пригляд! Либо от всего отказываетесь тут и переезжаете в Крым, либо не тянуть лапки к землям – и останетесь при своих.

Поскольку беседа была приватной – действовало отлично. И все же, все же...

Не успокоятся. До сих пор ищут подходы к Ванечке, к Феде, даже к Любаве, чтобы через нее влиять на Володю.

Алексей отлично сознавал, что царь-реформатор никому не нужен. Хорошо памятен был ему разговор с сестрой. Они тогда сидели поздно ночью, после казни Хованского, и Алексей смотрел в стену остановившимися глазами, а Софья просто держала его за руку. Была рядом, как всегда, с раннего

детства, и одним присутствием разгоняла по углам черные тени. И понимал Алексей – никуда она не уйдет. Они уже вместе...

– Соня, как же тяжело...

– У тебя всегда есть выбор, братик.

– Да неужто?

– Ты можешь царствовать, а можешь править.

Разъяснений не требовалось. Чем это друг от друга отличается, Алексей знал. Можно проводить время в молитвах, постах, охотах и прочих развлечениях. И довериться советникам, да хоть бы и той же Соне. Она справится.

А можно взвалить на себя небо – и надеяться, что не дрогнут руки. Или что рядом встанет кто-то еще.

Одно Алексей знал точно: Софья всегда будет на его стороне, что бы он ни выбрал.

– Могу.

– И если решишься править – будь готов к худшему. При жизни будут ненавидеть и травить, а после смерти могут и проклясть.

– Только так?

– Не стану врать. Не знаю точно, но подозреваю, что так. Народ не любит, когда что-то меняется. Даже если это к их выгоде. Польза-то там, в будущем, а меняться надо уже здесь и сейчас. Так что... Тебя будут ненавидеть, пытаться убить, подложить кого-нибудь в постель, раз-

бить наш союз...

— Соня, как же мне жалко иногда, что ты — моя сестра. Ей-ей, будь мы хоть чуть дальше — женился б не глядя!

— Ты бы меня и не узнал никогда, — усмехнулась Софья. — Кто бы меня к царевичу подпустил? Нет уж. Мы тебе принцессу найдем, не менее. Хочешь?

Алексей не знал. А чего он хочет? Что ему нужно? Впрягаться ли в этот воз? Рисковать ли? А впрочем, знал он уже ответ, изначально знал...

— Ты будешь со мной?

— Всегда.

— На Ваньке казна, на мне армия, на тебе дипломаты и бояре... потянем?

— Найдем и других коней.

— Тогда с утра же...

И на лице сестры расцвела улыбка.

— Лешка... с Богом!

Они справляются, но как же тяжело. И женитьба... Так прописано. Царь не может жениться по любви. Никак. Да и царевна...

— Соня, а если бы Ваня был другим? Пил, гулял...

— Был бы бесполезен для нас?

— Ну... да. Ты бы тогда?.. — Алексей не договорил, но ведь и так все понятно.

– Алешенька, братик, не знаю. Наверное, нет. Не можем мы себе того позволить. Корона слишком дорого берет с любого из нас.

– И ты бы смогла отказаться? От любимого человека?

– Это было бы очень больно, Алешенька. Но это обратная сторона власти. Нам много дано, но с нас много и спросится.

И, глядя в сумерки, Алексей Алексеевич Романов порадовался, что не любил. Так, как пишут в пьесах, – не любил. Ему было хорошо, приятно, весело, но так, чтобы умереть без любви, – Бог миловал, не иначе.

Что ж, Ульрика так Ульрика. Даже если он не сможет влюбиться в эту девушку, по крайней мере будет ей верен. Будет беречь как свою жену, уважать, разделять совместные обеды и ужины, делать детей...

Она не поймет, что чего-то не хватает, он не допустит.

А значит...

Перо быстро бежало по пергаменту. Приказ в казначейство. И – список. Драгоценности, меха, кое-что из крымских трофеев... надо произвести впечатление на Кристиана?

Надо!

* * *

Впрочем, не везде к идеям русских варваров отнеслись

благодарно. Сказать, что Педру не понравилась идея сватовства русского царя?

А сколько там было печатных слов?

Лучше уж промолчать. Поскольку печатными были только предлоги. Но и извернуться не получалось. Виктор Савойский (скотина – и вся семья его такая!!!) писал, что опасно болен и считает необходимым освободить принцессу от данного слова. Кой там консорт? Он, бедолажечка, рукой-ногой шевельнуть не может, его всего корежит, опасается, как бы навек парализованным не остаться. И как тут губить жизнь невинному ребенку?

Никак, правильно.

Понятное дело, сам Виктор тут ни при чем. Крутила его мать, умная и хваткая дама, но результат-то один!

Можно бы послать ко двору Людовика, переговорить там. Интересы у Франции и Португалии примерно в одних и тех же областях. Да вот беда, у Людовика пока один сын. И консортом его не отдадут. А принимать какую-то шушеру?

Софья несправедлива к королевским дворам. Там тоже рассматривали внебрачных детей короля как второй сорт. Да, не брак, но и предлагать им брак тоже никому не хотелось. Ублюдок – он и есть ублюдок, а уж как там это красиво называется...

С другой стороны – брат русского государя был не намного лучше. Здоровый, симпатичный, неглупый. Большой плюс. Плюс и то, что коли ему еще детей не даст Бог, царь

обещал брата своего отпустить. Пусть Белла правит, а Ивиан (ну хоть имя нормальное – Жуан) будет при ней принцем-консортом.

Но и минусов сколько!

Даже если так прикинуть, где Португалия, а где Русь? Месяца полтора плыть в Архангельск, чуть меньше, недели три, при хорошей погоде – через владения турок, а уж те своего не упустят. Торговать – неудобно, воевать еще неудобнее, влиять на ребенка – можешь и не мечтать.

И как жить? Грустно...

С другой стороны, это если принцессу отдавать на Русь. А если предложить им прислать принца – сюда?

Хм-м...

Вот при таком раскладе идея выглядела более аппетитной.

Во-первых, принц Жуан – младший брат русского государя, так что могут и отпустить. Известно же, чем меньше братьев рядом с тронem, тем он устойчивее. Во-вторых, с ним может прибыть личная гвардия. Это тоже хорошо, усилим свою – русскими. Как ни относиться к этим варварам – драться они умеют! И перекупить их не удастся, русский государь об этом позаботится. Наверняка.

Торговать неудобно?

Ничего, купцы справятся. Зато лен, пенька, смола, дерево... да много чего полезного и все по сниженным ценам, как своим и родным. Это ведь правильно! – Глаза Педру довольно замаслились. Выгода...

В-третьих, военная поддержка. Цейлон отвоевывать надо, персюков гонять, турок... да найдется кого! Русская армия, его корабли – развернемся!

А еще есть и турецкое воинство общим числом сто двадцать тысяч человек – и набрали же где-то! – которое сейчас мерным шагом движется к границам Австрии. И у Педру были сильные подозрения, что португальцам отсидеться в стороне не удастся. Леопольд начнет вопиять, Папа Римский начнет давить – и помогать придется. А у него и так негусто... Если русские могут прийти на помощь – пусть придут, а за принцессу еще поторгуемся.

Принцесса опасно больна!

Так и отпишем. Пусть сначала помогут, а уж там посмотрим, выдавать Беллу за русского принца или нет. И на каких условиях...

* * *

– Перевертыш!

Алексей своих чувств и не скрывал, да и Ваня был не менее категоричен.

– Чтоб ему...

С учетом последних событий на политической арене картина получалась не совсем красивая. Господин Текели слегка пококетничал, уверяя русского государя в своей готовности прогнуться. Даже сильно пококетничал.

Потому что здесь и сейчас перед Софьей лежали известия о передвижении турецких войск – и двигаться они могли только – ТОЛЬКО! – через Венгрию. А значит... лукавите, Имре? Ой лукавите.

Софья размышляла.

– Нужен ли нам этот флюгер?

С одной стороны, русским он пока ничего не обещал, как и они ему. С другой... симптомы политической болезни – налицо. Крутиться оный Текели будет ужом на сковородке, а хорошо ли это для русских?

– Без шакалов воняет, – огрызнулся Алексей. – Сонь, ты же понимаешь, что он сейчас будет балансировать между нами, Леопольдом и турками, пока кто-то не сорвется.

– А если он?..

– Что? Поясни, – попросил Иван.

Напрасно Софья боялась, что муж начнет ограничивать ее свободу. Куда там! Хочешь сидеть до ночи с бумагами – сиди, дорогая. Хочешь мастерские – поехали, место посмотрим. Хочешь... что хочешь – то и сделаем. При этом подкаблучником Ваня не был, это она бы увидела. Просто ее любили – и позволяли, к громадному удовольствию и ее, и Алексея, заниматься тем, что женщине нравится.

Шипела, конечно, свекровь, но в Кремль ей бегать было некогда, а Софья и Ваня, переоборудовав для себя покои, наслаждались семейным уютом. Почти семейным.

– Чтобы начинать такую игру, надо быть очень самонаде-

янным. Серьезной поддержки у него нет, он сейчас либо пан – либо пропал. Победит Турция – он наместник в Венгрии, а там и кусок Австрии прихватит. Победит Леопольд – Имре таких люлей получит, что на лошади везти придется. А куда везти?

– Думаешь, к нам подастся?

– Или в Колонии. Но до нас ближе, и шансов больше. Вдруг да посочувствуем?

– Накормим, спать уложим, денег дадим, войсками поможем, – ухмыльнулся Алексей.

– Вы абсолютно правы, государь.

– Сонька, нарвешься...

Титулования в обычное время братец не переносил, за этим ему с избытком бояр хватало. Дай волю – всего паточкой зальют. Софья это знала, но брата иногда провоцировала. Для проверки.

– Уже боюсь. – Софья получила легкий братский щелчок в лоб и ухмыльнулась: – Если сотрудничать с Текели – надо подумать, как его ухватить, чтобы не увернулся.

– За самое ценное не выйдет?

Софья отрицательно покачала головой:

– Никаким образом. Вот смотри – там сейчас война начнется. Мясорубка. Ты туда кого отдать хочешь? Катюшку? Манюню? Феодосию? Наталью? Кем рискнем?

Алексей покачал головой.

– Не справятся. Ни девочки не потянут, ни я. Не настолько

я король, чтобы хладнокровно сестру – на погибель...

– Именно. И малявки еще сопливы, и Имре... между прочим, обаятельный и привлекательный мужчина в самом расцвете сил. Кого бы мы ни послали – есть опасность... эээ...

– Да ладно, Сонь. Я понял, – Алексей махнул рукой. – Кто кем там вертеть будет – непонятно, а нам нужно накрепко.

– А вот накрепко и не выйдет. Жены нет, детей нет, родителей нет, зацепить его нечем... Если компромат искать – все равно ведь сорвется.

– И нужен ли нам такой ненадежный союзник?

– А что, есть выбор? – Иван иллюзий не питал, работать иногда приходится с такой дрянью...

Ни выбора, ни лишних денег в казне не было. В немалую копеечку влетали посольства, стройки, производства и наука. Впрочем, Софья денег на это не жалела, прекрасно понимая, что все в стране останется.

Но здесь и сейчас она могла предложить альтернативу.

– Недавно умер Ференц Ракоци.

– Ракоци?

– Да. Это старинный род. Между прочим, их владения – чуть ли не восьмая часть Венгрии. Чувствуете?

– Подробности?

– Боролся за независимость. Умер. Был женат на Илоне Зриньи. Оставил двоих детей: дочь Юлиану и сына Ференца. А сейчас наш общий друг Леопольд тянет к детям свои когтистые лапки.

– Что предлагаешь?

– Списать с их матерью. Она далеко не дура, уж поверьте мне, ребята.

– Хочешь предложить ей...

– Хочу. На что пойдет женщина, чтобы обеспечить престолонаследие для своего сына? Вы лично как думаете?

– Смотря какая женщина, – ухмыльнулся Ванечка. – Ты – да. А вот Любава...

– Я – тоже нет, – фыркнула Софья. – На то Алешка есть, пусть его дети с короной всю жизнь маются.

– Спасибо, сестренка.

– А наши будут за тронем стоять. Поддержкой и опорой. И никак иначе.

Это Софья тоже подчеркивала при каждом возможном случае. Не нужна ей та корона. И даром не нать, и с доплатой не нать! Алешке ее – и все дела!

– Итак, Илона Зриньи?.. – Ваня поспешил разрушить торжественность момента.

– Или Елена, ежели по-нашему. Очень умная женщина, очень хваткая, полагаю, она поймет свою выгоду.

– На таких условиях можно помочь и Имре Текели. Пусть работает. А в нужный момент просто подменить изрядно запачканного князя – на своего? Ты это имеешь в виду?

Софья, все это время глядящая в глаза Алексею, медленно опустила веки.

Именно так. Какой же ты вырос... братик.

Сулейман небрежным жестом отпустил наложницу и вытянулся на кровати. Тонкий шелк простыней приятно охлаждал разгоряченную кожу, ледяная вода в стоящем рядом кувшине дарила блаженную прохладу горлу.

Да... скоро войско уйдет в поход. А он вздохнет с облегчением. Все-таки янычары – это... С одной стороны – великолепные воины, умные, сильные, хищные. С другой – войску нужна война. Победоносная. Мехмед проиграл – и где он теперь? Если Сулейман проиграет – он точно узнает, куда попадают после смерти султаны.

А ведь ему тоже придется идти в поход.

Придется переносить тяготы и лишения походной жизни, вести войска... страшновато. Что ж, пока есть время – он будет наслаждаться всем предложенным. От гарема до роскошной одежды. Почему бы нет?

В походе такого уже не будет.

Крохотное облегчение Сулейман чувствовал при мысли о Гуссейн-паше. Кепрюлю Амджазаде Хаджи Гуссейн-паша не так давно стал великим визирем, но уже успел зарекомендовать себя как умный и осторожный человек. И сам на рожон не полезет, и другим не даст. Оно и к лучшему.

Вообще бы воевать не полезли, но положение такое, что, не одержав пару-тройку побед, султан мог легко расстаться

с головой. И на кого нападать?

Русские?

Имело бы место. Но... что они пока получают, разнеся Крым вдребезги и пополам?

Русские там даже обосноваться не успели! Ни рабынь не будет, ни богатой добычи. А вот зубы у казаков очень острые. К тому же...

Неудачное это место – Крым. Для боевых действий неудачное. Султан отлично понимал, что захватить полуостров он сможет, а вот удержать – нет. Да и не совсем то ему было нужно. Татар почти нет, кто там будет жить? Служить заслоном между ним и русскими?

Нет, это не то.

А вот показать зубы дряхлеющей Европе... Стоило, еще как стоило. Провоцировали – получите!

Сулейман в любом случае собирался остаться в выигрыше. Избавиться в походе от части крикунов, а уж потом, медленно, не спеша, реформировать армию, флот, разобраться со взяточничеством... Да много было планов.

Скоро, очень скоро сто двадцать тысяч воинов выдвинутся в поход.

Через Белград – на Дьер и Вену.

* * *

Феодосия Морозова была грустна.

Не радовала ее жизнь, совсем не радовала. Забыла женщина, как волосы на себе рвала после смерти мужа, как над Ванечкой тряслась – вырос сынок. И еще двое подрастают от Матюши, от любимого. Муж управляющим у нее стал, делами ведает, денег Бог послал – за сто лет не потратить, младшие детки здоровы, в грехе они с супругом не живут – тайно венчаны, сын и словечка против не сказал, а все ж беда.

Нет, не такой жены она хотела для сыночка.

Царевна Софья.

Что может любая мать сказать о своей невестке?

Что та забрала у нее сына. Точка.

И ведь верно – забрала. Вот не женился бы Ванечка на царской сестрице, нашел бы себе кого другого...

Феодосия на миг представила, как бы это выглядело. Сынок по-прежнему оставался бы царевым ближником, но возвращался бы по вечерам домой, не ночевал в Кремле, не мотался, может быть, по всей стране за государем или за его сестрицей, а приходил бы, мать целовал.

Другая бы ему уж и деток родила, а царевна ровно до ста лет жить собирается! Ни словом, ни звуком! Дела брата ей важнее, чем семья! Сын об этом с гордостью говорит, а мать-то слушает с ужасом! Ни вышивать, ни домом заниматься, ни детей рожать – царевна то в Дьяково, то в Новгород, то в Суздаль, то еще куда...

Государь приказывает – она и едет! И Ванечка с ней! Разве ж это нормально для женщины?! И сын с этим мирится,

ничего неладного не видит!

Присушила она его, как есть присушила.

– О Ванечке думаешь, сердце мое?

Матюша вошел тихо-тихо, ровно котяра громадный, подкрался сзади, руки на плечи положил, у Феодосии так сердечко трепетом и зашлось! А ведь не молодка уже!

– Да, родной мой.

– А ты не беспокойся за него, мальчик счастлив.

– Да разве ж будет он счастлив? С этой...

– Царевной?

Феодосия прикусила губу, чтобы не сказать лишнего, но муж понял. И покачал головой.

– Ты и сама знаешь, что напраслину на нее возводишь. Она за твоего сына и убьет, и умрет...

– А за брата и того раньше.

– Не за брата, за государя земли Русской. Как и нам надлежит. Только для нас мелкие домашние дела важнее, а Софья все без остатка брату отдает. И Ваня тоже все отдаст ради служения государю. Разве плохо то?

– Я его почти не вижу!

– Вырос мальчик, сердце мое. Вырос. Не ревнуй, у тебя младшие есть. А ему пора уж крылья расправлять и свое гнездо вить.

– Вот и вил бы... здесь! Разве ж плохо? Терем пустой!

– Неуж вы бы с Софьей под одной крышей ужились? – Матвей подсмеивался, но так беззлобно, что женщина и не

подумала обидеться.

– Нет. Наверное, нет.

– Терем бы по бревнышку раскатали, знаю я тебя. И царевну знаю – кремень. Не ужились бы вы, огня было бы... А Ваня сгорел бы в нем, что пук соломы. Вы бы душу ему надвое разорвали.

– Я?! Своему сыну?! Никогда!

– Отпусти его, родная. Отпусти. Мальчик вырос.

Матвей не спорил, просто шептал, а Феодосия все сильнее осознавала, что он прав. И отпустить придется.

Может, и не идеальная жена Софья, да ведь любит ее сынок. И она его тоже любит... Ваня, считай, третий человек в государстве сейчас. Государь к сестре прислушивается да к Ивану!

А все же...

Нет! Нет идеальной невестки для свекрови!

Матвей понял чувства супруги по подрагиванию ноздрей, по сдвинутым бровям, но больше спорить не стал. Феодосия не глупа. Может, Софью она и не полюбит, но гордыню смирит. А где осознание, там и понимание. Где понимание, там и мир будет. Дайте лишь время.

* * *

Император всея Римской Империи Леопольд Первый писал письмо. Скользило перо по дорогому пергаменту, не по

бумаге. Хотя и стоило бы...

Кому писать!

Этой твари, которая мутит венгров, подбивает их на беспорядки, даже сумела отколоть кусок его личной территории... этому Текели! Да будь его, Леопольда, воля, болтался бы тот в петле! И самое ему там место было бы!

Но не сейчас...

Не когда к границам его страны идет турецкое войско. Громадное! И... Леопольду было страшно. Он уже не вспоминал, что такое же, даже больше и страшнее, войско двигалось на Польшу – ну так ничего, отбились... но кого волнуют эти варвары? Пусть только попробуют не прийти на помощь!

Негодяи...

Он вежливо писал, что Австрия, конечно, может признать суверенитет – и даже даровать Имре княжеский титул, но... пусть тот подтвердит свою преданность – делом. Например, первым встанет воевать с турками. Не пропустит их через свои земли.

В конце концов, Вашварский мир еще не окончился! Так что... подлость сие! И бесчестие падает не только на головы турок, но и на головы их пособников.

Союзные войска еще не пришли, так что Леопольд хватался за соломинку – и отчетливо понимал, что могут ведь и не успеть.

И вряд ли его что-то спасет.

Германские княжества?

Венеция?

Он писал всем – и отчетливо понимал, что может, еще как может проиграть. А в политике проигрыш не прощается.

* * *

– Ежи!

– Ян!

Ясновельможные паны крепко обнялись, не обращая внимания на разницу в состояниях. Подумаешь – один чуть ли не богаче короля, а второй вынужден жить на Руси, потому что дома ему сейчас будет... тяжело. Главное – воинская дружба, а она их соединила накрепко узами симпатии и взаимного доверия.

– Как дела, друже?

– Пока не жалуюсь. – Ян усмехнулся. – Мы с Еленой недавно повенчались.

– Да что ты! Радость-то какая...

– Только это втайне. В королевской часовне, свидетелями их величества были... Елена неспраздна.

– Ян, так это ж замечательно!

– То верно, да мы на войну уходим. Случись со мной что – она пани Собесской останется, не русской девкой. Сам понимаешь.

– Шипят наши гады? То есть паны?

– Шипят.

Ян поморщился, что не укрылось от взгляда Ежи.

– И у меня Бася тож... второго ждем.

– Ну, поздравляю! Как только ты решился ее оставить...

– Она сейчас в Дьяково, не в Кремле. А там царица Анна всем нынче управляет. Царица Софья теперь рядом с братом днюет и ночует, тяжело государю. А вот другие царицы поразъехались. Царица Анна в Дьяково, царица Татьяна в Крыму с мужем...

– Вот уж где дело невиданное! Царица да простой казак, чуть ли не вор...

– Э, нет. Род Разиных – тоже древний. Да и то сказать – необычно уж то было, что царицы замуж повыходили. А коли дала та стена трещину, так уж и не важно, речная ли вода льется, озерная ли... все одно пить можно. Что Ордин-Нащокин, что Разин многое для Руси сделали. Вот и награду получили по заслугам.

– Да...

– Но и тебе ж грех жаловаться? Государь тебя не обижает, вести доходят...

– Скромничать не стану. И верно, войско на мне, границы, крепости ставим, Иероним тебе приветы передает...

– Лянцкоронский? Как он там?

– В Каменце комендантствует. Говорит, краше прежнего город отстроили. Не жалеешь, что уехать пришлось?

– С Басей? Да хоть небо на землю падай! Никогда не пожалею! Без нее дышать нечем, да и незачем!

– Да, сейчас я тебя понимаю. Знаешь, я бы тоже с Еленой уехал куда-нибудь, ан нельзя. Сына надо растить, врагов воевать...

– Панов приструнять.

– Разбойников гонять.

Мужчины переглянулись и весело расхохотались, отлично понимая, что иногда грань между этими двумя весьма условна. И паны, бывало, на дорогах колобродили.

Отсмеявшись, Ежи стал серьезным.

– Я тебе привел двадцать тысяч войска. Бери и владей.

– У тебя двадцать да у меня пятнадцать...

– А турок?

– Сто двадцать. Тысяч. Не менее двухсот пушек, почти сорок тысяч лошадей, десять тысяч верблюдов, по пятнадцать тысяч волов и мулов...

– Справимся, – Ежи и не сомневался. И не таких видали, а и тех бивали, как говорят на Руси.

– Должны. Обязаны. С тобой государь говорил?

Ежи чуть опустил ресницы.

Говорил. Да еще как говорил.

– Нам нужна не просто победа. Нам нужно...

– Да. Хотя добиться этого будет втрое тяжелее. Победить бы куда как проще было...

Ежи кивнул. Проще, да вот надобно государям иное. А значит – сделаем! Воину не обязательно быть хорошим политиком, но коли уж ты войска водишь – должен уметь мно-

гое. В том числе и понимать, к чему приведут победа или поражение.

О чем промолчали?

О том, что победа-то не нужна была ни Руси, ни Польше.

К чему?

Пока турки с австрийцами сцепились, русские могут лучше укрепиться и задержаться в Крыму. А поляки – оттяпать себе хоро-оший такой кусок земель, и что важно, удерживать их. Не одни, так вторые за помощь расплатятся. Или контрибуцией отдадут.

Война должна пойти взятяг.

Леопольду сие невыгодно?

А кто он, Леопольд? Сват, брат? С ним детей не крестить, Бог миловал. А от тирании Габсбургов половина Европы стоит. Там, Бог даст, и французы помогут. Только вот Австрии или Турции?

Европа медленно превращалась в кипящий котел, и пань готовы были поспособствовать. Опять же, к своей выгоде.

Между прочим, где война – там трофеи. Где трофеи – там бунтов поменьше, а в Польше это важно. Хоть и любят там Михайлу, хоть и гордятся, а все одно, спесивых дураков не перевести. Вот и пусть они хоть все на войне полягут.

Дурак с возу – волки сдохли!

– Вот ведь наглость!

– Лешенька, это Папа. То есть самый мощный человечище всея Европы. Глыба, я бы сказала.

Софью ситуация откровенно забавляла, а мальчишки злились.

– Да будь он хоть папой, хоть мамой! Каз-зел!

Софья умилилась интонации, с которой Иван произнес это слово. Вот уж стоит ли ужасаться или смеяться, но кое-какие привычки вылезли здесь. Из двадцать первого века вылезли.

Но ведь и правда – козел!

Его святейшество непорочное, Папа Римский Иннокентий, порядковым номером одиннадцатый, потерял и рамки, и совесть. Хотя вроде бы и Папой стал совсем недавно?

И что обидно-то – мужик неплохой.

Суровый, серьезный, разогнавший всяких родственничков и знакомых, прихлебателей и лизоблюдов. И начавший постепенно закручивать гайки для кардиналов.

Софья одобряла эту его инициативу. А вот другую...

Кеша, в миру вообще Бенедикт Одескальки, еще до своего избрания конфликтовал с Людовиком Французским. И сейчас Король-Солнце пошатывал под ним трон.

Ой пошатывал.

Подумаешь – Папа. Да у нас французские короли таких вертели, как хотели. И не раз вертели!

Ты его отлучишь, а он с войском в гости – и копьём к пузу в качестве аргумента. Случалось, знаете ли. А то, что пару-тройку сотен лет тому назад, так это не важно. Старые традиции – хорошая штука! Всегда вспомнить можно¹.

Опять же, даже вспоминать иногда ни к чему. Турки поработают. А мы либо их поддержим, либо вам ножку подставим – как удобнее будет. Поспособствуем.

Так что Бенедикт в чем-то даже обрадовался.

Вроде бы ситуация сложная. Русский царь при посредстве императора Священной Римской Империи сватается к дочери португальского короля для своего брата. Совет да любовь?

Ну да...

Так невеста-то католичка. А царь... а он – кто? Православный? Неубедительно. Это почти что и не христианин. Псалмы читают на варварском языке, реформы какие-то проводят, да и к тому же...

Софья не зря старалась. Слухи о ее проклятии поползли что та квашня. Липкие, раздувающиеся, самые разные...

Царевна прокляла иезуитов...

Полоцкий проклял царевну...

¹ Филипп IV (прозвище – Фальшивомонетчик) даже заочно осудил Папу Римского Бонифация VIII и направил за ним войска, от которых оный Папа очень быстро унес ноги. – *Прим. авт.*

Царевна весь орден пообещала раздавить, и царь ее в том поддержал...

Правды там было маловато, ну так откуда ей взяться в слухах и сплетнях? Зато подробностей... чуть ли не до того, что царевна кровь у Симеона из горла пила.

Софья только посмеивалась. Пусть боятся, меньше проблем будет. Хотя основная часть и не боялась. Подумаешь там, дохлый иезуит? А чего это он на эшафоте оказался? Царя убил?

Аа... простите, такое и в цивилизованной Европе не одобряется. Там такого, неодобренного, много. Мытье, учение, цареубийство...

Те слухи доползли до Папы Римского. И сейчас Иннокентий требовал от царевича, во-первых, удалить от себя сестру-ведьму. Во-вторых, пустить на Русь иезуитов. Это – для начала, потом еще что-нибудь попросить можно. А то ведь принцесса пока хворает...

– Соня, ты к этому недостаточно серьезно относишься, – Алеша смотрел задумчиво. – Они ведь... и правда тебя ведьмой считают.

– И пусть считают. В Европу я не поеду, а на Руси меня не достанут. А вот ответить стоит. Знаешь что, братец... а давай-ка мы напишем ответ Кеше?

– Выкладывай! – Иван отлично знал жену и понимал, что такое шkodное выражение лица означает большие неприятности для ее противников.

– Маркиза де Монтеспан. Ля Вуазен. Аббат Гибур.

– И?!

– Черная месса.

– Что?!

– Как?!

Софья усмехнулась, мысленно поблагодарив «Анжелику». К чему тут история, когда эту книгу, наверное, половина России читала, а вторая – фильм смотрела?

– Эта компания служит черные мессы. И проводит их аббат Гибур. Маркиза молится о том, чтобы удержать короля, а чтобы лучше получилось, приносит в жертву младенцев. Человеческих.

Она пронаблюдала за выражением отвращения на лицах брата и мужа. Ну да, это вам не двадцать первый век, где «толерантность» и «узаконенность», здесь за такое сожгут, будь ты хоть трижды королем. На части разорвут.

– Проходит это дело под чутким руководством Катрин Монвуазен. Или ля Вуазен, как-то так. Можем написать Папе и поинтересоваться, чем ему не угодила я. Тем, что пресекла бесчинства такого же «аббата»?

– Соня, но откуда?..

Алексей лишний раз убедился в гениальности сестры. Царевна невинно пожала плечами:

– Алешенька, ну мы ж не просто так посольства рассылаем?

– Но узнать *такое*?!

– Мы вкладывали дикие суммы в обучение наших людей. Вот тебе и отдача.

Софья даже сильно не лгала. Умолчала лишь о том, что сама дала задание своим ребятам. Указала, кто, что, как... им оставалось только добыть доказательства – эх! Где ты, фотоаппарат?!

Хотя над его аналогом работали в Университете. Камера-обскура, нитрат серебра, кто не баловался фотоделом в Советском Союзе? У Софьи в общаге таких «любителей» десятка два было, они даже у коменданта чулан отвоевали, чтобы фотки проявлять!

Сэр (пусть король английский его титулом и не пожаловал, но Алексей давно возвел ученого в дворянство, а Софья, чтобы польстить, обращалась по титулу его родины) Ньютон воспринял идею с восторгом, как и дряхлый уже Глаубер... Пусть пока получался театр теней, но профили-то были узнаваемы?! Дайте время, мы такое фотодело развернем!

И доказательства были. Показания свидетелей, пара писем... все хранилось у Софьи в отдельном ящичке. Снять копии – и отправлять.

Пусть Кеша подумает над тем, что у него в Европах творится. А Симеона... а вот на это его и спишем. До Руси далековато, то ли он украл, то ли у него украли, но шуба-то была!

А что до иезуитов – да не пускать их сюда, и точка!

– Не пускать – нельзя.

Софья потеряла лоб.

– Можно. Но лишь с принцессой. Вот Изабелла приедет – тогда и иезуитов милости просим. А нет, так у нас народ дикий. Мы не католики, мы не гугеноты, мы православные, мы и в морду дать можем. Оглоблей, например.

– Злая ты, Соня, – муж явно шутил. Но все-таки...

– И как ты с ней уживаешься? – Алексей тоже принял озадаченный вид.

Царевна зашипела гадюкой.

– Что? Не нравится?! Вот уйду от вас – и уеду к Людовику! Шикарный мужчина! Отобью его у маркизы, отмою за полгода – и будет мне счастье. Да какое! Вшивое, блохастое... мечта женщины!

– Да давай я тебе здесь блох со вшами насобираю, – от доброй души предложил братик. – Или тебе заграничные нужны?

– Уууу... злыдни. Так пишем?

– Пишем!

* * *

Илона Зриньи молча смотрела на мужчину напротив. А Имре, наоборот, излагал свои соображения.

То есть они у них были одни на двоих.

У него есть люди. У Илоны – земли и деньги. Ему нужно преумножить, ей – сохранить. У него нет детей, у нее двое, и если она сейчас не выйдет замуж, то может получить в при-

дачу к детям опекуна. Или их вообще могут отнять. Официально она подданная Леопольда, а как тот относится к дочери Зриньи, родственнице Франкопанов и жене Ракоци... ну, для него хуже только сочетание «жена Вельзевула, родственница Люцифера и дочь Сатаны».

И то – вряд ли.

Сейчас Леопольд занят войной с Турцией. Да, пока гром еще не грянул, но недобрый ветер уже веет над Священной Римской Империей. Туркам надо больше времени, чтобы собраться и прийти, потому что их – громадьё. Более ста тысяч.

И в этой круговерти у них есть шанс на успешный заговор. Сбросить с себя ярмо ненавистного австрийца...

В чем состоит его предложение?

Илона выходит за него замуж. И они объединяют силы, средства... То, что ей сорок лет, а он на четырнадцать лет моложе, как раз не страшно. Подумаешь, проблема? Им же не любиться, а сражаться вместе. Хотя даже сейчас вы весьма привлекательны... нет?

Ну, нет так нет. Храните верность умершему мужу, госпожа, принуждать вас никто не будет. Мне не вы нужны, а свобода моей страны.

Ну и корона в перспективе.

Поможете?

Илона честно попросила время на размышления, и Имре Текели отбыл восвояси. Ненадолго, на месяц, не более. Впрочем, Илона не обольщалась, это только первая ласточ-

ка. И самая хищная.

Любовь?

Да о чем вы говорите?! Когда в политике было место для этого чувства?!

Но и соглашаться?..

Выживет ли Ферек при таком предприимчивом отчине? Все-таки наследник Ракоци, единственный, прямой... и не умрет ли через некоторое время сама Илона? У нее ведь дочь. Стоит Юлиане вырасти до подходящего возраста – и ее матери можно устраивать случайное падение. С лестницы, например.

Страшно.

Очень страшно.

А еще родня давит, а еще... да много чего – еще. Хорошо хоть свекровь убралась вслед за мужем, эта стервь сейчас бы всех с ума свела. Не любила Илона свою родственницу, Софию Батори, и вполне взаимно.

Какое бы решение приняла вдова – непонятно, ибо на второй неделе ее размышлений в ворота замка тихонько постукался бродячий менестрель. И был впущен. Даже задержался на несколько дней. Пел, показывал фокусы, рассказывал интересные истории, слегка, не переходя определенных границ, тискал служанку, сумел рассмешить даже Илону, вытащив из уха коменданта замка Паланок роскошную алую розу.

А на третий день Илона столкнулась с ним на башне.

В своем любимом месте, где сидела ночами, размышляя о дальнейшей судьбе.

Что она думала в тот миг?

Враг?

Подослали?

Убийца?!

Мысль взметнулась, накрывая волной паники, Илона схватилась за кинжал, но тут же услышала тихий голос:

– Прошу вас, госпожа, я безоружен. Я послан к вам от русского царя. Вот, возьмите?

Илона покачала головой – и тогда менестрель принялся расшнуровывать ворот рубахи. Как-то вывернул ее, подпорол – и на холодные каменные плиты пола лег конверт из тонкой кожи.

– Письмо и доказательство внутри. Я удаляюсь, госпожа.

Илона отступила от выхода – и темная тень исчезла. И только тогда женщина осознала, что говорили на латыни. И как?! Она готова была поклясться, что ее собеседник получил блестящее образование! Это была не простонародная мусорная латынь – нет! Он говорил так, словно учился где-нибудь в колледже.

Иезуиты?

Илона осторожно взяла конверт платком. Вскрывать его сама она не будет, попросит служанку.

Мало ли...

Конверт оказался без подвоха. Более того, когда его открыли, из конверта выпало несколько десятков негранных изумрудов и лист пергамента. И печать. Большая, которую не подделать. Печать русского государя, его герб...

Илона взяла лист в руки, бросила взгляд на текст.

Латынь. С одной стороны. С другой же... русский?

Илона знала девять языков: венгерский, немецкий, хорватский, словацкий, польский, сербский, французский, изучила древнегреческий и латынь, но русский?

Так, немного, пару-тройку слов. Но и этого хватило.

Что ж, посмотрим, что ей пишут?

Первые две строчки она пропустила. Как и полагалось, они были посвящены восхвалениям госпожи замка Паланок, ее красоте и мужеству. Важное начиналось потом.

Алексей Алексеевич писал то, что еле-еле проливалось на измученную душу матери и вдовы. Осторожно, полунамеками, так, чтобы посторонние мало что поняли. Не называя имен, он писал, что только род Ракоци достоин править Венгрией. И лучше иметь на границе хорошего друга, чем подлого императора. А потому именно сейчас у Илоны удобный момент.

Сама она не победит. Но наверняка есть мужчины, готовые героизировать во славу ее прекрасных глаз? А уж в

остальном... дать денег, войско, оказать поддержку именно сейчас... да, условие будет простым.

Когда на трон сядет законный король Венгрии из рода, овеванного вековой славой, будет подписан мир с Русью. И кое-какие земли отойдут к полякам. Не так много, кстати говоря, Илона и больше бы отдала. Да и в знак мира надо заключить брачный договор. Между кем из ее детей и кем из русских царевен или царевичей – надо еще подумать, но все же обязательно.

Разумеется, это только предварительный проект.

Парень, который принес письмо – один из вернейших царских слуг, так что просьба не обижать его. Все остальное он расскажет, коли спросите.

Илона долго сидела, задумавшись. А потом...

– Позови ко мне менестреля.

Служанка пискнула и умчалась за дверь. Чтобы вернуться через несколько минут с менестрелем, который тут же принялся кланяться и спрашивать, сыграть ли что прекрасной госпоже? Веселое, али грустное, али...

Илона задумалась, потом попросила спеть что-нибудь печальное, и менестрель завел старинную венгерскую песню. А она приглядывалась.

Вот ведь... и не скажешь, что не венгр!

Все, все в нем просто кричит о выходе из простого народа, получившем капельку лоска, но, в общем-то, простоватом и неуклюжем парне. Обильно смазанные воском усы,

завитые локоны, горячие темные глаза, рубаха вроде бы и из недешевой материи, но в пятнах и кое-где залатана, запах чеснока, бараньего жира и дешевого благовония, а сапоги не особо хорошие, дрянь сапоги...

Совсем не таким он был на башне.

Откуда что взялось?

Как ему это удается?

Песня следовала за песней, потом Илона жестом отпустила служанок и приказала певцу пройти в ее кабинет. За вознаграждением.

Что тот и сделал.

И даже в кабинете не вышел из роли, пока Илона не бросила резким жестом на стол письмо. Глухо застучали, посыпались изумруды, собранные небрежной рукой.

– Как твое настоящее имя?

– Прокопий, сын Аввакума.

– Мне это ни о чем не говорит.

– Государь хотел послать кого иного, но лучше меня не нашлось, госпожа.

Менестрель разительно изменился. Ничего он не делал, не стирал краску, не принимал поз, не произносил выпретенных речей, просто чуть шевельнулся, поменялось выражение лица – и вмиг перед Илоной оказался если и не вельможа, то определенно дворянин. Человек благородного происхождения.

– Какого вы рода?

– Мой отец служит Богу, а сейчас является одним из приближенных государя Русского.

– Он князь?

– Он просто служит Богу.

Прокопий подозревал, что легко не получится. Но и выбора не было. Специалистов его уровня пока человек десять – и все заняты, потому он и отправился в путь. Спешил как мог, менял коней, и только в пяти днях пути от замка Паланок позволил себе измениться. Исчез польский пан, едущий по своим спешным делам, вместо него появился бродячий певец, коих тысячи и десятки тысяч. И прошел в замок как один из множества, не привлек ничьего внимания, поговорил с боярыней, передал письмо... осталось рассказать то, что объяснил ему государь.

Да, вот так вот тоже случается.

Отец всю жизнь посвятил Богу. Сын же...

Оказавшись в Дьяково, дети протопопа принялись учиться. И на Прокопия быстро обратили внимание, а то как же? Ум, память, отличное физическое развитие, а главное – способность к перевоплощению. Когда устраивали шуточные постановки, представления или нечто подобное, он первым оказывался.

Добавьте к этому непреклонный характер, любовь к родине и фамильное неистовство – что удивляться, что это многообещающее сочетание Софья принялась готовить как разведчика?

Немного их было, человек десять, ну так ведь не количеством берут, а умением!

Имелось у Прокопия и еще одно достойное внимания качество.

— Священник... католик?

— Православный.

— А если я сейчас прикажу заковать вас в цепи и пытаться?

Илона спрашивала почти всерьез. Слишком страшно было поверить, слишком неустойчиво было ее положение, слишком...

Мужчина пожал плечами:

— Воля ваша.

— Не боитесь?

— Не то чтобы... вы позволите?

Илона вскинула брови, глядя, как мужчина достает из-за воротника обычную иголку, разве что длинную, хищно отблескивающую металлом, а затем снимает с пояса флягу. Протирает и иглу, и ладонь чем-то бесцветным — и глубоко всаживает острие в руку. Так, что кончик поблескивает металлом через кровь. Игла просто пробивает ладонь.

— Вы...

— Да, госпожа?

И при этом мужчина оставался абсолютно спокоен. Не изменился в лице, ничего, просто улыбался...

— Вам не больно?

— Нас учили терпеть боль, госпожа.

Вообще-то полностью враньем это не было. Просто у Прокопия повышен болевой порог, вот и все. Кстати, как и у его отца.

Он мог и не такое стерпеть, но не раскрывать же фамильный секрет? К тому же в даре были и плюсы, и минусы. Да, Прокопий мог стерпеть боль – и боль серьезную. Но мог и не заметить опасности, пока не станет слишком поздно, и запустить болезнь. Умереть от горячки или истечь кровью, кто знает?

– Вот даже как... И много таких...

– Простите, госпожа, сие дело государево.

Илона медленно кивнула. И вдруг перешла на французский:

– Как я могу быть уверена, что вы не шпион иезуитов?

– Вам мало этого? – короткий кивок на письмо, ответ последовал на великолепном французском, парижский диалект. – Тогда я ничем не могу доказать, что я – русский. Разве что найдется православный священник...

– Отче наш? – теперь Илона говорила по-русски.

И собеседник продолжил говорить, подхватив ее слова. Уже на русском. Привычно перекрестился в нужном месте, закончил молитву и посмотрел на княгиню.

– Я могу кровью и жизнью поклясться, что не подсыл, что иезуитов люблю не более вашего с тех пор, как они убили нашего государя...

– Вот как?

– Государь Алексей Михайлович погиб от подлого яда...

– Я слышала, но...

Теперь разговор велся на немецком, но собеседник словно бы и не замечал смены языков. Был по-прежнему вежлив, улыбался.

И рассказывал.

И Илона видела – не лжет. Да, Прокопий тоже был там. Именно он влетел на площадь вместе с отрядом Ежи Володыевского, не мог ведь он пропустить такое?! Именно он убил одного из крикунов – и видел все. И как говорила царевна Софья, и остальное...

– До меня доходили слухи...

К концу второго часа беседы Илона поняла – ей действительно не лгут. Просто прислать официальное посольство – это нарушить хрупкое равновесие и дать возможность вмешаться врагам. А так...

Да ничего и не было.

И никого не было.

Наутро Прокопий ушел из замка. Письмо княгини Ракоци было надежно спрятано так, что пришлось бы всю одежду распустить по ниточке, чтобы найти его. Он доставит на Русь ответ.

А на словах передаст, что Илона Зриньи согласна.

Утопающий и за гадюку схватится, а предложение русско-го царя... Даже если в нем и содержится яд – так выбора все равно нет. Не Леопольд же?

Фу...

* * *

Китайская принцесса была премиленькой. Ничего не скажешь. Этакая статуэточка: гладкие черные волосы, крохотная ножка, раскосые глаза, набеленное лицо...

Федя смотрел ошалелыми глазами, пока Алексей не наступил ему на ногу. Только тогда очнулся.

И потянулось...

Ритуальные речи, расшаркивания, заверения в своей нежнейшей и крепчайшей дружбе, согласование времени свадьбы...

У Шан все это время стреляла глазками в Федора, но молчала. Софья так и не решила, нравится китаянке парень или нет. Разный тип лиц, разная мимика, даже недолгий общежитский опыт не помог.

Но намного больше Соне не понравились другие взгляды. На Алексея.

Да, царь. Да, хорош собой, на троне, весь в золоте и вообще – величие прет. Но казалось Соне, что взгляды юной китаянки далеки от восхищенных. Скорее, они... расчетливые?

Алексей Алексеевич наконец предложил отправить принцессу со евнухи и служанки на женскую половину Кремля – и пусть отдохнут с дороги. Там все устроено для них...

Софья дала девочке прийти в себя примерно три часа, а потом появилась на пороге. За это время она уже успела выслушать доклад от своих девушек. Малявка капризничала, кричала на прислугу и одну из служанок даже стукнула. Не русских, нет, исключительно своих, но – симптомчики...

Избалованная стервочка?

Возможно.

А работать все равно придется. И жениться, и в постель ложиться... будем надеяться, перерастет. Или – нет? Но тогда... Софья мысленно пожала плечами.

Смерть женщины родами, особенно если не первыми-вторыми, а пятыми-шестыми, удивления не вызовет. А до той поры...

Софья скользнула в комнату и прищурилась на малявку. Та сидела перед зеркалом, а евнух ей расчесывал волосы. Девочка заметила новое лицо почти сразу и недовольно чирикнула на китайском.

Переводчик был не нужен; зная о визите малышки, Софья позаботилась о языке.

– Говорите ли вы по-русски, государыня?

Сама Софья могла сказать примерно с десятков предложений на китайском. Например, это. Могла кое-что понять, но разговаривать свободно?

Нет, не могла.

– Почему... ты... не поклон?!

Малявка с трудом подбирала слова, но от сердца у Со-

фьи чуть отлегло. Если девчушка пытается учить язык новой родины, это уже неплохо? Хотя бы неглупа и понимает, что жить-то ей здесь? Можно будет наладить контакт?

– Мое имя Софья. Я царица.

Ну, по-китайски вышло «принцесса», но для У Шан подошло. Малявка опустила голову.

– Царица? Ты... жена царя?

– Мой брат – русский государь. Я пришла помочь.

– Помочь чем?

Диалог выходил пока корявым, но Софья уже ставила малышке плюсы. Да, на нижестоящих та отыграется, безусловно. Но на равных зубки не покажет. Хотя бы пока не разберется.

Плохое качество для руководителя, много спеси. Но ей и не нужна У Шан в качестве руководителя. Она – гарант договора. И если окажется достаточно умна, чтобы видеть скрытое, проживет долго.

– Размещение. Слуги. Одежда.

– У меня все есть. Благода... дарить...

– Русская одежда. – Софья провела руками по своей юбке, словно демонстрируя наряд. У Шан невольно заинтересовалась. Да, это не китайский халат-ханьфу, а ведь носить придется. И как она будет выглядеть в подобном наряде?

– Посмо... треть?

– Примерить?

На «примерить» малявка тоже согласилась. А Софья

смогла наблюдать, как та общается с портными.

Настроение колебалось с отметки «ниже плинтуса» до отметки «подвал». Так, навскидку, она понимала, что У Шан достаточно хитра, чтобы преклоняться перед высшими, но на низших... Живет, живет в Китае принцип курятника. И гласит: подсиди высшего, спихни ближнего, нагадь на низшего. Вот девчонка сейчас его и применяет. И будет пресмыкаться перед Софьей, пока не появится шанс ударить царевну в спину. Запросто.

Да уж, свинью они Федьке подложили...

* * *

Софья не ошибалась.

У Шан проводила царевну жестким и холодным взглядом, благо видеть это та уже не могла.

Царевна.

Сестра государя и сестра ее будущего мужа. Имеет влияние, определено. Китайские гаремы – отличная школа жизни. Среди евнухов, которые преследовали свои цели, среди братьев и сестер от наложниц, в атмосфере постоянного соперничества и вражды вырастали ядовитые цветы.

У Шан была одним из них.

Отравленная сладким ядом, который лился в уши с младенчества, она мечтала лишь об одном, жаждала и алкала власти всей душой, ибо этого хотели окружающие ее.

Кто правит в Китае?

Отнюдь не император. В большинстве случаев власть принадлежала гаремным евнухам, как бы ни печально это звучало. Они правили через жен, наложниц, возлюбленных, устраняли неудобных и возвышали тех, кто необходим.

У Шан с детства знала, что ей придется бороться против чужих, куда бы она ни попала. Потому что а кто – ее? Брат, мать, несколько доверенных евнухов... Все. Остальные – враги. Их надо либо уничтожить, либо подчинить, либо сломать и сделать своими инструментами. А в борьбе хороши все средства. От слов до яда и кинжала. И то, что ей пришлось отправляться на Русь, ничего не поменяло в отношении девочки к жизни.

Более того – она была оскорблена.

Она – сестра императора! И достойна не меньшего! Даже более того, она должна была бы стать женой самого императора русских, а вместо этого ей предлагают брата? Младшего? Всего лишь?

Это уже оскорбление!

Конечно, они все страшные, круглоглазые, противные, с шерстью на теле, но тяжесть короны помогла бы вынести тяжесть брака. Она стала бы хорошей императрицей, определенно.

Над ухом склонился приближенный евнух, зашептал, что ему удалось узнать.

А вот это интересно, и очень даже...

Император не женат. Невеста есть, но детей пока нет. И если У Шан родит раньше, чем у императора появятся дети... Кто знает, как повернется? К тому же, если у него никого не родится, ее муж станет следующим императором после брата. Тоже очень неплохо.

По губам малышки скользнула злая усмешечка. Тут есть на что рассчитывать. Надо посмотреть на мужа – насколько он управляем? Выйти замуж, обжиться, приглядеть союзников, найти рычаги воздействия, а потом начинать свою игру. Рожать она сможет где-то через год, к тому времени муж должен быть у нее с руки.

У нее!

Не у родных!

У Шан сможет этого добиться, еще как сможет! А потом...

Ну, кто сказал, что жены братьев – вечны? Или что императрица сможет родить мужу наследника? Или что долго проживет сам император? Мы еще посмотрим, еще подумаем, что принесет больше выгоды. Но У Шан должна стать императрицей.

Тсаритсей, как говорят в этом варварском месте.

Кто и достоин, если не она?

* * *

Нельзя сказать, что устремления У Шан стали загадкой для Софьи. Деталей она не знала, но о примерном ходе мыс-

лей догадывалась, о чем и побеседовала с Алексеем. Незамедлительно, ибо в таких делах промедление – не просто смерть. Она еще долгая и мучительная. И гибель всего сделанного.

– Лешенька, эта малышка может стать... проблемной.

– В чем?

К таким заявлениям Алексей легкомысленно не относился.

Семья – это сила. Это твоя кровь, твой тыл, люди, которые закроют твою спину. Все, что может внести в семью разлад, должно выпалываться немедленно. Это не Дуняшка, которая сейчас обживает Картли. Это жена царевича. Следующего в линии престолонаследия. И случись что... да, именно так. Понятно, кто может стать царицей.

Умирать, в том числе и бездетным, Алексей не планировал, но отец ведь тоже не планировал, нет? Ульрика-Элеонора еще не приехала, они еще не поженились, детей пока нет...

– Она неглупа, но спесива до крайности. Горда, жестока, свято уверена, что первый после Бога – ее брат, а вторая – она. И ей нужен не Федя. Ей нужна власть.

– Да ей лет-то...

– Лешенька, а сколько? Двенадцать? Через год она станет женщиной, еще через два – матерью, у восточных женщин это быстро. И не захочет трона для своих детей? И власти той, кто стоит за троном, – для себя? Ее так воспитали. Мы

ставим на первое место нашу родину, наш народ, а У Шан? Себя, и только себя.

Рефреном прозвучало – вспомни Османов. У них закат империи начался с того же самого. Великолепная Роксолана, власть... и каковы потомки?

– Хм-м-м... Что ты предлагаешь?

– Воспитать не удастся. Вряд ли.

– По возрасту?

– По сложившимся убеждениям. Человек никогда не откажется от идеи, что он стоит над всеми. Слишком приятно это выглядит и звучит. Я, конечно, попытаюсь, но без серьезной ломки тут ничего не получится.

– Попробуй, Сонечка. А пока – твои предложения?

– Противозачаточные средства. В обязательном рационе.

– На кухне распорядишься?

– Да. Начнем с этого – и продолжим, помолясь. Евнухов вернуть на родину, объяснив, что у нас они остаться могут, но только в монастыре. И подальше, где-нибудь в районе Архангельска. Еще скопцов в Кремле нам не хватало! Ее служанок отправить куда-нибудь, окружить девчонку своими людьми. Чтобы не плела интриг. Письма вскрывать, сам понимаешь...

– Не жестко? Ты вообще малышку не переоцениваешь? Соплячка ведь, а ты словно к войне готовишься?

Софья задавила ехидное фырканье усилием воли.

Милый братик, я вообще в три года с тобой работать

начала. Да, я случай особый, но меня, в отличие от У Шан, не мотивировали так жестко на власть. А для нее это – воздух.

– Лешенька, а сколько нам было, когда Долгоруков...

Напоминание подействовало. Алексей медленно кивнул.

– Да, Соня. Действуй. Феде скажем?

– Поговорить с ним надо. Но не до конца. Все-таки это его жена... будет.

– Найди ему кого-нибудь?

Софья уже перебрала в уме картотеку. Федю она, конечно, тоже девственником не оставила, еще год назад им заинтересовалась милая девушка Федора, но раньше у девушек не было задания привязать царевича к себе. Наоборот, многое оставляли для жены. Сейчас же...

Она знает, кто ему нравится, какой тип женщин. Вот и пусть у него будут и жена, и любовница. Две семьи. Одна явная, а вторая тайная. И дети будут сначала в тайной семье.

Цинично?

А наплевать.

Особенной любовью к своему семейству Софья так и не прониклась. Ради Алексея она бы кого угодно зубами загрызла, ради своего обожаемого Ванечки Морозова – тоже, но и только. Остальные Романовы рассматривались как удобный и удачный ресурс. Их можно было холить, лелеять, ценить, учить... любить?

В рамках симпатии.

Жив – хорошо. Умрет – жалко. Не больше и не меньше. Инструмент для использования, и чем меньше они об этом подозревают, тем для них же лучше.

Иногда Софья задумывалась, чудовище она или нет. Но чаще приходила к выводу, что чудовище – штука полезная. Главное, чтобы кормили вовремя и натравливали на кого надо. А остальное – к попам. Они любой грех отпустят, работа такая.

Так что Алексей Алексеевич получил нежную улыбку.
– Какой же ты умный, Алешенька. Я завтра же займусь.
Судя по улыбке брата, он тоже так считал. Конечно умный. Глупые цари в соборе лежат. Ровненько...

* * *

Илона говорила и улыбалась. Спокойно и загадочно, словно древняя икона. Имре Текели ушам своим не верил.

– Да, я выйду за вас замуж, Имре. Это будет взаимовыгодный договор. Вы получаете мою полную поддержку в том случае, если сами поддержите русского государя. Хотя вы и так хотели это сделать.

– Д-да.

– Наша земля должна быть свободной. Мои прадеды всю жизнь для этого отдали, отец голову сложил, мать... – Илона махнула рукой. Не было на земле венгерской того, кто не осведомлен о доблести рода Зринских, но напомнить стои-

ло, ох как стоило.

Не Имре ей честь оказывает – она ему руку протягивает. С такой женой, как она, с поддержкой родов Ракоци, Батори, Зриньи... горы свернуть можно. Вот и пусть сворачивает их...

Для ее сына.

Ради маленького Ферека Илона убьет, украдет, головой в петлю влезет.

И – да. Более детей у нее не будет. О чем ее будущему мужу, будь он хоть листовым золотом покрыт в три слоя, знать не обязательно. Первым был у нее Ференц Ракоци – единственным в сердце и останется.

А еще Имре не знал о том, что обдумывала Илона. Русский государь намекнул, что лучшие узы – брачные. И у него есть и брат подходящего возраста, и сестра. Равно его устроят и Ференц, и Юлиана, когда войдут в возраст. Но лет пять у княгини есть подумать.

Илона собиралась серьезно подумать.

Отдать дочь на Русь?

Возможно.

Сыну невесту взять?

Правитель, которого русский государь поддерживает, – это сила. Вот Михайло Корибут женился на сестре русского государя, так Алексей Алексеевич ему и войну выиграть помог, и потом, когда Крым воевать пригласил, поляки без добычи не остались.

Домой довольные вернулись, телеги добра привезли.

Ферек или Юлиана?

Юлиана или Ферек?

И то и другое было одинаково привлекательно. Но это потом, потом... Хотя и была Илона женщиной, но сейчас надобно было стать в первую очередь княгиней.

– Сулейман идет на нашу землю с громадным войском. Что вы хотите сделать?

– Поеду к нему. Поклонюсь в ноги.

– Мы пропустим его через наши земли.

– Да. Я помогу провизией, помогу людьми, коли понадобится, но взамен – когда они завоюют эти земли, пусть признают наше право! Это наша земля! И она должна быть свободна. Достаточно нас угнетали императоры!

Илона только вздохнула про себя.

Мальчишка, какой же мальчишка... Пусть так! Сколько раз она видела эти же огни в глазах своего мужа? Сколько раз молилась, протирая коленями пол в часовне? Спасти, сохранить... Не уберегла.

Постараемся уберечь этого.

Пусть живет Имре, чтобы смог жить Ферек.

Илона и не знала, сколь хороша была в этот момент. Тяжелые черные косы, синие тени под темными громадными глазами, нежные губы – и не скажешь, что четвертый десяток разменяла эта красивая и потрясающе сильная женщина. И Имре сейчас смотрел на нее не только как на союзника.

Не было у Текели недостатка в женщинах. Пальцами щелкни – любая прибежит. Но не эта.

И ворочалось в глубине души нечто новое... Не только союзника он видел в Илоне. Еще и красавицу, которую хотел бы видеть рядом. Своей видеть. Черные волосы, разметавшиеся по своей подушке, рукой гладить, губы нежные целовать, в глазах огонь зрить...

Только вот кто он, а кто она?

Пусть он Текели, да ее-то кровь благородней и древнее. И все же...

Почему бы и не попытаться?

Он ни к чему ее принуждать не будет, не насильник. Но рано или поздно она к нему сама придет. Он подождет. Он терпеливый...

* * *

Татьяна встала перед иконой на колени, перекрестилась быстро, двоеперстно, как привыкла. Хотя кто б ее за то ругал? Добрые девушки в приюте так и объяснили: Бог-то остался, а вот как молиться ему... ну, пока решаем, как правильно, да единый канон вводим – вот отсюда и потрясения. А ты, главное, верь.

Ему-то, поди, все равно, сколь часто кланяются, он нас все равно любит. Все мы дети и внуки его, все от его крови, от Адама и Евы – неуж он на нашу глупость разгневается?

Татьяна и верила, что не разгневается.

Освободили ж ее из плена? И от плохого брака отговорили. И мужа нашли хорошего... Вот и благодарила она сейчас Бога за все. И искренне просила здоровья для царской семьи. А для кого ж еще?

Кабы не пошел Алексей Алексеевич войной на Крым!

Кабы не подумала добрая царевна Ирина о тех, кто возвращаться будет!

Кабы не учила царевна Софья девушек, чтобы они помогали...

Кабы не затеял государь-батюшка строить Канал... так случайно она и с Кириллом познакомилась. Только-только тогда от боли сердечной отошла. Ефима от нее прогнали.

Таня аж поежилась, вспомнив, как гневался тот, когда отказала она. А потом улыбнулась краешками губ. Пусть и неприятно вспоминать, но и... есть за что собой гордиться!

После памятного разговора с Ксенией пришла она к той второй раз через два дня. Подумав. И решила отказать Ефиму, да боялась. Плен – он ведь даром не проходит... привыкаешь бояться.

Тогда-то Ксения и предложила: мол, ты с ним говори, а я рядом спрячусь. Верь мне, одну не оставлю. Таня и поговорила. Честно спросила про жену, про детей... и где по молчанию, где по взгляду поняла – верно все.

Не лгали ей.

Не она Ефиму нужна, не Танюшка со светлыми косами, а

пара крепких рук да детородное чрево. И как жить тогда?

В плену быстро приучаешься видеть, что у кого на уме, малейший наклон головы подмечаешь, малейшую тень в глазах – от того и жизнь твоя зависит.

Ефим, конечно, бушевал. Ногами топал, ругался грязно, объяснял, что никто ее более не возьмет, он и то ей милость оказал, но тут уж Таня тоже озлилась. И объяснила, что Христос блудницей не побрезговал. А она не блудница, да и Ефим не Христос.

Вот!

Кто знает, что бы сделал озленный мужчина, не прибудь на подмогу Ксения. Ровно мимо проходила, дверью стукнула, обернувшегося крикуна гневным взглядом обожгла, да таким, что мигом заледенел жених неудавшийся. Спросила, надобен ли Тане более этот разговор, – и увела. А Ефиму холодно заметила, дескать, любой, кто оскорбляет женщину, лишний раз доказывает, что он не мужчина.

Больше Таня Ефима не видела – и век бы не видеть!

А спустя месяц заторопилась из монастыря куда-то и ее подружка Ксения. Вот тогда Таня и набралась храбрости. Попросилась с ней, хоть бы и служанкой, а Ксения возьми да и согласись.

Таня не знала, что это решение обдумывали несколько царевниных девушек. И что согласились все. Надо было брать таких Танюшек в новую для них жизнь, надо приучать к людям. А пока серьезных заданий от царевны не предвиделось,

можно и потренироваться.

На кого чаще всего внимания не обращают?

Да на слуг.

Кого не стесняются, не видят, о ком не задумываются?

Царевна своим девушкам сотни раз о том говорила — и Ксения такой ошибки не совершала.

Татьяна была ее глазами, ее голосом и разглашала только то, что выгодно было Ксении. К тому ж девушка была красива и неглупа. Рано или поздно Ксюша отпустит ее замуж. И ее муж, семья будут благодарны государю.

Мало?

Так это капля в море. Здесь капля, там брызги, и наберется уже озеро. А из озер выходят реки, чтобы прийти к морю. Не бывать на Руси тем, кто царем недоволен. Не бывать бунтам! Это их дом, они тут живут... кому понравится, когда бардак в доме?

Ну да это дела государственные, а для Танюшки важнее, что Ксению отправили на Канал. Съездить да кому-то письмецо передать.

Вот, пока ехали, и разговорила Таня с веселым парнем. Кирилл так и объяснил. Он хоть и из купеческих детей, да младший из восьми. Либо на побегушках у братьев быть, либо свое дело начинать, а только не приспособлен он к торговле. Думал, куда податься, и решил.

Почему бы и не Канал?

Отработает здесь три года, дом получит, на землю осядет

– и сделает то, что хотел. Постоялый двор откроет. И – да, коли Танюшка согласится с ним быть, лучшего ему и не надобно будет.

Ксения об этих планах быстро узнала. Переговорила с Кириллом, подумала – и пообещала Тане поговорить еще кое с кем. Пусть сразу строится. Она ему грамотку от царя добудет. Но заезжать в гости будет. И коли узнает, что Танюшку в чем обижают...

Кирилл даже не обиделся тогда. Только рассмеялся. Мол, чаще заезжайте, а то детишкам крестная мама понадобится.

Вот тогда и поняла Таня, что улыбнулось над ней солнышко. И молилась сейчас за всех и сразу. А когда перекрестилась последний раз, повернула голову и обнаружила чуть позади себя Ксению, которая тоже молилась. И крестилась пусть тремя пальцами, да разве важно то? Важна душа человеческая да вера в Бога. Остальное же от Лукавого.

Заговорили подруги только на выходе из церкви.

– Ну как, готова? Завтра уже замужней вечер встретишь.

– Ох, Ксюшенька, волнуюсь я...

– А не надобно волноваться. Кирилл знает все, это не Ефим. Да, у него ни кола ни двора, ну так поможем, чем можем. Главное, что любит он тебя – и вот такую как есть принял. И обижать не будет, у меня глаз наметан.

– А коли не разрешат ему...

– Разрешат. Постоялый двор держать дело сложное, не каждому под силу. А вот он справится. Деньгами на первых

порах поможем, потом отдаст...

– Ксюша... ведь есть у меня деньги.

Рука подруги крепко сжала плечо Татьяны.

– Забудь о том. Поняла?

Таня кивнула. Ксения жестко смотрела ей в глаза.

– Это – твое. На крайний случай, на черный день, на детей... коли твой мужчина тебя обеспечить не сможет – не надобен такой. И знать ему о твоих деньгах ни к чему. Не для того ты из Крыма их везла, берегла, прятала...

Таня аж задохнулась от удивления.

– Ты знала?!

Ксения лишь пожала плечами:

– И что?

– И меня не выгнали?!

Не отняли деньги, не сказали устраивать свою жизнь самой, не... таких «не» набиралось очень много. А выходило так, что Тане позволили иметь свои тайны – и даже не сочли нужным указать на ложь.

– Танечка, ты свободный человек. Почему ты должна делиться с теми, кто пока не заслужил твоего доверия? Мы же не родные, вот и не лезли в чужую душу. Ты должна была решить, кто мы тебе.

Таня несколько минут молчала. А потом крепко-крепко обняла Ксению.

– Родная ты мне. Сестра...

Ксения успокаивала девушку, гладя по светлым косам. И

вовсе даже она не плакала. Ни капельки.

Все у этой Танечки будет хорошо. Поженятся они с Кириллом, трактир держать будут, детей нарожают. А она к ним будет заезжать, крестной матерью деткам станет – и каждый раз об одном и том же думать будет.

Сколько по Руси таких Танечек?!

Сколько тех, кому войны жизнь изуродовали?! Плен, издевательства...

Вот так и поймешь, что никакую цену заплатить не жалко, лишь бы не было на Руси более такого зла.

* * *

Педру смотрел на письмо русского государя. И невольно сравнивал его с письмом Виктора Савойского. И как-то...

Пусть первый и православный, то есть почти нехристь, пусть второй и католик. Первый за тридевять земель отсюда, второй рядом... И что?!

А все равно сравнение не в пользу Виктора!

От того пока еще никакой пользы, кроме отговорок, не было. А русский государь прямым текстом писал, что на Руси есть то, что необходимо Педру. Дерево для строительства кораблей, лен, пенька... можно строить корабли прямо там, на месте. А вот матросов не хватает. Но ежели они породнятся, то это можно будет решить келейно?

Одно величество строит корабли, второе (пусть пока еще

не величество, но не важно, на ком корона, важно, у кого власть) предоставляет команды плюс обучает русских моряков. У Португалии есть колонии, а у Руси – средства, которые помогут их удержать.

Да и помолвка пока не брак. Пусть Иван приедет в Португалию, познакомится с будущим тестем? А потом Изабелла на Русь, познакомится с родней.

Где они будут жить?

Ежели в Португалии, то вот тут его величество настаивает на своих людях в окружении обоих. Слишком часты эпидемии, и ему совершенно не хочется терять близких. Если на Руси... тут и вовсе говорить не о чем.

Сам себе Педру мог признаться: предложения крайне привлекательны. Опасно, конечно, но... может, рискнуть?

Согласиться?

А с Леопольда тоже потребовать... да уж найдется, что именно.

Пусть Португалия и независима уж сколько лет, а все одно – династия Браганса... нет! Не второго сорта! Но ей-ей, не посмел бы Савойский такие номера с Эскуриалом откалывать!

Может, и согласиться?

А мальчишка пусть приедет. Посмотрим на него, подумаем... глядишь, ежели он в католичество перейдет... ну, это надо с падре поговорить.

Да!

Иезуиты!

Орден, который мало кто одобрял, но отрицать их силу не стоило.

Надо поговорить с падре Мигелем. Про кровавую русскую царевну только глухой не слышал – и то догадывался. И Педру вовсе не хотелось спровоцировать виток войны, ежели мальчишку тут отравят или еще что. Надо, надо поговорить, и коли Святой Престол не против, так может, и...

А Леопольд пусть поработает.

Педру зловредно ухмыльнулся. Почему-то в Португалии очень не любили Священную Римскую Империю.

Странно, с чего бы это?

* * *

– Ваня, ты не хочешь съездить в Португалию?

Мальчишка с изумлением поглядел на брата.

– Зачем?

– За невестой.

– Что?!

– Вот, погляди на портрет!

Иван Алексеевич послушно оглядел миниатюру. Ну... что тут скажешь?

Если художник польстил – девчонка симпатичная. Если нет – она просто красавица.

Алексей Алексеевич угадал мысли брата.

– Это наш человек рисовал. Так что не приукрашено.

– Красивая.

– Вот. К тому же принцесса. Наследница Португальская.

– Так сам бы на ней и женился!

Ну, сначала мальчишка обязательно отпихиваться будет, чай не щенок – принцесса. Но были у Алексея аргументы, были.

– Вань, ты подумай. Куда я с Руси? Мне ее не отдадут, им консорт нужен.

– Приживал, в смысле? Не поеду.

– Балбес. Ты что думаешь – я бы так с братом поступил?

– Если государственная необходимость диктует – еще как!

С первого взгляда крыть было нечем. Но Алексей улыбнулся – и выложил на стол еще один портрет.

– А это моя невеста.

Ульрика-Элеонора понравилась Ивану куда как меньше.

– Ну и... цапля.

И верно, мосластая, длинноносая...

– А выхода у меня нет. Приедет – женюсь. Тебе же принцессу предлагают, а ты кобенишься. Да симпатичную, неглупую, может, и королеву в перспективе. Не вы, так ваши дети в Португалии сесть могут.

– Да не хочу я никуда ехать! Я на Руси жить хочу, наукой заниматься, Лешка, ты хоть знаешь, что мы тут с сэром Исаком придумали?

– Узнаю, когда доделаете.

– А до той поры тебя ничего не интересует?

– Благо Руси. Тебя оно не интересует? Нравится быть царевичем? Вкусно есть, мягко спать, заниматься наукой, делать что захочешь? Так изволь отрабатывать. Не просто так тебе все дано, в нагрузку еще и венец приложен. Пусть царевичев, так я от тебя и не требую, сколько от себя!

– Требуешь... Только бы приживала из меня сделать!

В синих романовских глазах стояли слезы, но жестокий Алексей только брату по лбу и постучал.

– Ванька, что за чушь ты несешь? Консорт – не приживалка. Ты таким же правителем будешь.

– Только ночным.

– Научили тебя думать на свою голову.

– Прикажешь горшком притвориться?

– Нет, подумать в другую сторону. Португалия нам как союзник жизненно необходима.

– Прямо уж?

– У них есть то, что нужно нам. Моряки, колонии, опыт, связи.

– У нас их мало?

– Столько мы пока не наработали.

– Лешка, а может...

– Вань, уши надеру. Как в детстве.

Иван пожал плечами, понимая, что слезами и соплями толку не добьешься, надо приводить логические доводы, а их-то и не было. Угроза была серьезная, но...

– Чего ты от меня хочешь?

– Помолвки с Изабеллой. Едешь в Португалию, производишь хорошее впечатление, уговариваешь девчонку и ее отца. Мне нужно, чтобы вы жили на два дома. И здесь – и там.

– А мое мнение тебя не интересует?

– Более чем интересуется. На тебя будет возложена еще одна обязанность. Сейчас многие ученые подвергаются гонениям из-за своей веры. На Руси же...

– Ты хочешь...

– Чтобы ты их приглашал к нам. Жить, работать, учить других. Сможешь?

– Да.

– Это не так просто. Надо ведь разобраться, кто действительно знает и желает заниматься наукой, а кто... лжеученый. Правда сможешь?

Ваня пожал плечами.

Сможет ли?

– Надо попробовать.

– Вот так к этому и относись. Ты едешь не ради девчонки, а ради науки. Ну и заодно уж...

– Лешка, хорошо, что ты – государь.

– Поменяемся? И местами, и невестами?

Ответ Ивана был точно не научным. Зато – от всей души.

– Какими силами мы располагаем?

Алексей посмотрел на сестру.

– Так. Ну, казаки у нас сейчас в Сибири. Двадцать тысяч мы отправили на помощь Леопольду. Еще двадцать тысяч сейчас в Крыму. Значит, где-то еще тысяч пятнадцать-двадцать можно выдернуть без ущерба для Руси.

– С чем я останусь на Москве?

– Тысяч пять тут будет. Стрельцов я всех заберу с собой, бунтовать будет некому.

– Обрадовал. Ты ж и Ваню забереешь. А мне тогда спать вовсе не придется.

– Соня, ты же знаешь...

Знала. Слишком хорошо парни дополняли друг друга. Горячий и подвижный Алексей – и спокойный рассудительный Ванечка. И хотела бы оставить мужа дома, да не выйдет. Сам не останется. Друзья...

Замысел у Алексея Алексеевича был прост.

Сейчас Дания сражается со Швецией.

Ну и почему бы не помочь хорошему делу? Коли с одной стороны датчане ударят, а с другой Русь подключится – не сносить шведам головы. У него, у Алексея, оправдание – он невесту себе отвоевывает, мировая общественность поймет и одобрит.

А он себе под шумок оторвет выход к морю. А то и финнов потеснит – и неплохо так потеснит. Что он теряет?

Деньги и еще раз деньги.

В некоторые проекты они просто водой уходили. Но пока... пока Софье удавалось сводить бюджет даже с прибылью.

Очень помогли две победоносные войны. Если сейчас будет третья...

Да не в третьей дело! А в том, что на три стороны!

Ладно, казаки на Амуре больше развлекаются, чем серьезно воюют. Для снабжения им и Строганова с лихвой хватает – и тот не жадничает. Ему ж трофеи несут... Да и в Крыму тоже все налаживается, там сейчас ни нападений, ни бунтов ждать не придется. От кого бы? Когда все турки под Вену ушли?

Но с одной стороны они идут на помощь Леопольду. А вторая часть войск идет совершенно в другую сторону.

– Лешка, если вы там завязнете или не победите – мы точно прогорим. Денег решительно нет.

– Война должна быть молниеносной?

– Да. Не осаждайте крепости по году, не стойте по месяцу в городах. Дойти, победить и вернуться.

– Другого ты не мыслишь? – поддразнил жену Иван, – а вдруг не мы, а нас?

– Если рискнете проиграть – отдам вас в плен. Пусть кормят, пока бюджет не восполним.

– Злюка.

Софья показала брату язык. Пусть не по-царски, зато от всей души.

– Кстати, ты почто Соковнина обидела, змеюка подколотая?

Софья прищурилась. В глазах вспыхнули злые огоньки.

– Хватило совести жаловаться?

– А то ж!

Софья насмешливо фыркнула. Оный Соковнин, Федор Прокофьевич, давно у нее как бельмо на глазу был. После Матвеева. Щуку-то съели, да зубы остались. Если его брат, Алексей Прокофьевич, отторжения не вызывал – пусть не гений, но и не подлец, – то Федор...

– А кто пытался Володеньке в дядьки какого-то полоумного пьянчужку пристроить? Он что думал – Любава без защиты и помощи останется? Или просто дураком хотел мальчика вырастить?

– Что там за пьянчужка?

– Некто Никита Зотов. Дьяк, пьянь безмозглая...

– Может, не знал он?

– Весь мир знал, а он не знал? Да ко мне Адриан быстрее молнии прилетел, лишь бы я не прогневалась!

– О как! – подивился Иван. В эти дела он даже не вникал. – А ты?

– А я его вызвала и строго объяснила, что коли еще раз он хоть на десять метров к Любаве подойдет...

– Им займется Ромодановский, на предмет связей с почившим Матвеевым и почившим же Хованским. Мало ли, вдруг не все заговоры раскрылись? А это явный заговор – вырастить ребенка тупым! А вдруг что? Отправишь его за границу, так там вши со смеху передохнут!

– Он мне тут клялся и божился, что невиновен.

Алексей явно посмеивался. Его устраивала ситуация, при которой Софья была страшной и злой, и вообще – чуть ли не штатным кремлевским чудовищем, а он – милым и добрым царем. Хотя, как отлично знал Иван, жалости у брата с сестрой на обеих чайной ложечкой не зачерпнуть было.

– Вот и прекрасно. Пусть бы Ромодановскому доказал, – фыркнула Софья без особого настроения.

– Тому докажешь, как же!

Если Григорий Ромодановский отлично себя чувствовал в Крыму, то его родственник Федор Юрьевич нашел себя в Москве. И люди дрожали от его фамилии, зная, что страшнее врага не было и не будет у тех, кто на законную власть умышляет.

При этом Федор был умен, хитер, понимал, где надобно остановиться, но если уж его спускали с цепи...

– Кстати, а что у нас с Любовой?

– Пока еще в трауре, но я думаю, это на полгода-год, – отчиталась Софья. – Она молодая здоровая женщина, так что надобно кого-нибудь приглядеть, чтобы не было скандала в благородном семействе.

Алексей кивнул.

Ну да. Хочешь хорошую команду – следи за всеми факторами. В том числе и за удовлетворенностью всех ее членов. Женщина без мужчины дуреет и звереет, мужчина без женщины бросается на первую же попавшуюся девку. Вот чтобы этого не произошло, надо работать.

Пока получалось неплохо.

– И кого ты хочешь для Любавы?

– Да Ваську Голицына. А что?

Ваня зашипел не хуже кота.

– Вот еще!

Соня фыркнула. Почему-то ее муж не любил Василия Голицына. А что она может сделать? Сказано же – любовник! Вот и притворяемся. Так ведь ничего больше и не было, кроме притворства!

– Почему нет? Разыграем как по нотам. Получил у меня отставку, с болью в сердце переметнулся ко вдовствующей царице – что еще надобно? Он женат, она вдова... а как мужик он неплох, девочки хвалят. Опять же, остается в царской семье, через кого-то другого сливать информацию не придется.

– А ты у нас останешься без штатного любовника? Непорядок, – нахмурился Алексей.

Иван показал ему кулак. Государь обозрел представленное и фыркнул.

– Неубедительно.

– Поживу годик без любовников. Кстати, лучше пусть Васечка подсуется, чем Сильвестр.

– Кто?

– Медведев, мальчики, Медведев.

Что Алексей, что Ваня вспомнили монаха не сразу.

– А что с ним не так?

– Да лезет он всюду без мыла. Особенно туда, куда не пускают, – поморщилась Софья.

И верно, оный монашек пытался пролезть в эксклюзивные наставники то к Катьке, то к Машке, то к Феодосии – зачем?! Вился вокруг Любавы, словно пытаюсь зацепиться при дворе... не влюбился же?

Смешно!

– Да тут таких десять на дюжину, – хохотнул Иван.

– Таких, да других. Сам понимаешь, бояре наши к власти тянутся, а все ж понимают, что царевна в жены им не достанется. А этот... Такое ощущение, что ему без любовницы царских кровей жизнь не мила.

– А к тебе не...

– Дражайший супруг, ко мне даже Васечка Голицын при всем его геройстве – не, – съязвила Софья. – Как он признался на конюшне в доверительной беседе с одной из своих любовниц, от моего взгляда у него только волосы дыбом встают, а остальное – опускается.

– Плеть по нему плачет, – рыкнул Алексей.

– Нет уж. Пусть Любаву обхаживает. А вот Медведев...

– Да сдай ты его Ромодановскому – и вся недолга!

Софья подумала...

– Может, все-таки в фиктивные любовники?

– Слишком умен, чтобы мы его удержали на цепи, – не согласился Иван. – Ученик Полоцкого, как-никак. Мы можем сильно подставить кого-то из своих людей, попытавшись использовать его.

– Да, проще взять, все вытряхнуть, а потом в расход, – согласился Алексей. – Приказ подписать?

– Пиши...

Софье того и надо было. На Медведева у нее уже с полгода клыки отросли, но пусть брат считает, что решение принял он. Так-то...

* * *

Ульрика-Элеонора рассматривала милые девичьи безделушки.

Ее детство, ее радости.

Любимый некогда перламутровый гребень, медальон с прядью маминых волос, резная миниатюра из кости, засушенная роза (об этом даже не думать), тетрадка со стихами...

Взять с собой?

Почему бы и нет.

Она знала, что происходит с покоями уехавших принцесс.

Конечно, никого сюда не поселят, но... они словно бы умрут. Она и раньше это видела.

Когда из покоев уходит человек, из них словно бы душа уходит. Что-то, что делает солнечный свет теплым, заставляет занавеси приветственно шевелиться, а фарфоровые фигурки улыбаться.

– Рика?

Ульрика радостно обернулась навстречу брату.

Георга она любила. Пусть он был мягким и уступчивым, пусть. Но зато он был теплым и домашним. И любил сестру. Разве этого мало? Для королевской семьи так и с избытком.

– Братик! Посидишь со мной?

Георг послушно опустил на софу.

– Кристиан словно с ума сошел. За Карла он тебя так быстро не выдавал замуж!

– Это верно. Но этот брак выгоден нашей стране.

– И все же вы могли бы хоть познакомиться. А не так, словно наспех! Куда нам торопиться?

Ульрика вздохнула.

Милый братик...

Любит, переживает, заботится... а все ж выбора нет. И не было никогда. Судьба любой принцессы – быть сговоренной с наибольшей выгодой для страны, она это с детства знала. Вот и...

– Ты ведь будешь сопровождать меня к жениху?

– Обязательно, малышка. И Кристиан тоже будет.

– Он еще не знает, будет или нет. Все же у нас война...

Георг взмахнул рукой:

– Война, налоги, деньги, законы... как же все это... Рика, я тебе искренне желаю, чтобы твой муж не был таким занудой!

– Спасибо, братик.

Что-то подсказывало Ульрике, что – увы. Пожелание не сбудется.

* * *

Папа Римский Иннокентий, в миру некогда Бенедикт Одескальки, русского гонца не задержал. Наоборот.

Отношения между Святым Престолом и Русью были сложными издавна. Но... На словах, больше на словах. Русь далеко, так что в гости в Рим никто не приходил, войска не приводил, ничего сильно не требовал, соответственно, и обид не было. От той же Франции куда как больше гадостей ждать можно, да она и ближе. Конечно, далекая страна Русь – поле непаханое для священников, но там же холодно! И медведи! И далеко...

Причин много.

Так что когда Иннокентий получил первое письмо, он поступил по старому принципу. Проси больше, чтобы получить хоть что-то. Что согласен дать русский государь в обмен на невесту для своего брата? Славословия пропустим и обя-

зательную часть тоже. А вот и собственно известия. Итак?

Письмо шарахнуло по глазам почти с первых строчек. Да так, что свиток спланировал на стол из внезапно ослабевших пальцев. Русский государь соглашался, что у него напряженные отношения с орденом иезуитов. И сожалел, что Его Святейшество введен в заблуждение.

Сестра – ведьма?

Да никогда и ни за что! Просто так получилось, что когда иезуит Симеон Полоцкий (воистину пятно на белой рясе этого достойного ордена) отравил государя, в столице была только она. А потому пришлось ей и власть брать в свои руки, и судить, и казнить... бедная девушка, у нее не было выбора. Но если это преступление – так казнить за него надо было кучу народа. В Англии была королева, которая вообще сама правила и никто ее за то ведьмой не объявлял. И Анна Австрийская была регентом после смерти мужа, если искать ближе. И ничего, не ведьма.

А что Полоцкого казнили – будь ты хоть трижды иезуит, а царя травить нельзя, никак нельзя. Поэтому... если Ваше Святейшество пожелает – можно отправить иезуитов на Русь. Но за их целостность русский государь отвечать не будет. Люди злы, сначала раздерут на сорок кусочков, а потом спросят, как звать.

Да и... а чего – мы?

У Людовика XIV при дворе вообще черные мессы проводятся – и кем?! Его метрессой, почти женой, маркизой де

Монтеспан, о том вся Франция знает. И ничего, все терпят! Хотя там и младенцев в жертву приносят, и кровь детскую пьют, а уж что с козами проделывают – сказать страшно. А там иезуитов что блох на собаке.

И чем они занимаются?

Мы на Руси знаем, что творится, а они у себя под носом не видят?

Так что простите, Ваше Святейшество. Мы, конечно, согласны на многое, но... народ-с. Не поймет ведь. Никак не поймет. Может, вы сначала с этой проблемой разберетесь? А потом и поговорим об отправке миссионеров на Русь? Или там о переходе в католичество? Мы, может, и не католики, зато и черных месс у нас не проводят. И ведьм не ловят – потому как нету.

Несколько минут Иннокентий просто тупо перечитывал письмо. Фамилии врезались в глаза – и отмахнуться от них было нельзя.

Катрин Монвуазен.

Аббат (АББАТ!!!) Гибур.

Папа вздохнул и вызвал секретаря.

С этим делом надо было разбираться – и жестко. Если русский государь не солгал (а он не идиот – лгать Святому Престолу), последствия будут ужасны.

Но пусть этот вулкан извергнется под чутким Папским руководством, чем всех потом zalьет лавой возмущения и негодования. Есть, есть еще время отмежеваться от этого

ужаса и жестоко осудить причастных!

* * *

Соня сидела на подоконнике и смотрела в окно. Было тоскливо.

Завтра брат уезжает. И муж уезжает. А на ее плечи опять гранитной плитой свалится власть. Тяжкая, кровавая, ненужная... Горела б она ясным пламенем!

А надо, надо...

Теплые руки обняли за плечи, губы коснулись шеи.

– Сонюшка?

Софья со вздохом прислонилась к груди мужа.

– Тоскливо мне, Ванечка. Все понимаю, что вы идете во-
евать, а я остаюсь на хозяйстве, знаю, что судьба такая, а все
ж...

– Мне без тебя тоже жизнь не в радость.

Софья вздохнула. И за что ей выпало такое счастье? Ваня умен, красив, любит ее, не возражает против ее участия в государственных делах и даже сам помогает по мере сил. Разве мало?

Иногда она себя даже свиньей ощущала. Потому что не могла ответить ему чувствами той же силы и накала. Боялась...

Чего уж там – дьявольски боялась потерять и его, и Алексея. И прятала все в себе. Как раньше, в Древней Греции

уродовали слишком совершенные творения, чтобы Боги не позавидовали. Вот и сейчас...

Пусть Боги подумают, что ее чувства не столь сильны. Пусть Алеша и Ванечка в очередной раз вернутся домой!

– Любимый мой...

– Мать сегодня рыдала, вернуться живым упрашивала. Грустит, что детей у нас нет.

По губам Софьи скользнула злобная усмешка, благо муж не видел. Ваня скромно умолчал про некрасивые Феодосьины намеки на ее, Софьи, бесплодие. Хотя вот уж чего не было...

Предохранялась – это было и есть. И будет, а то ж! Первые дети нового поколения Романовых должны появиться у Алексея. Марфа и Дунька, которая уже была в тягости, не в зачет. И бабы, и невесть где, и мужья у них не русские. Права их детей на престол если и будут рассматриваться, то в последнюю очередь. Разве что вырастет один из потомков – и пройдет по миру новым Наполеоном. Но такому подчиняться не зазорно, умный человек был, хоть и с бзиками насчет одеколona. Эх, хорошо все-таки, что у русских своеобразное отношение к Франции. Когда у Софьи еще в той жизни деньги появились, она первым делом не в Турцию поехала. Во Францию. И Володя водил жену по Лувру, Версалю, рассказывал, показывал...

Вспомнить сейчас его истории труда не составляло.

Софья убрала ухмылку и повернулась к мужу. Поцелова-

ла.

– Ванечка, обещаю. Будут у нас дети. Вот Алешка женится, и будем мы с его женой ходить, пузами трясти. Потом еще и вместе воспитывать, чтобы как мы Алешкина опора, так и наши дети были его детям поддержкой.

– А если раньше получатся?

– На то воля Божья, – Софья улыбнулась. – Ты знаешь, детей я хочу. Двоих. Или троих...

– Сонь, хотя бы штук пять!

– А рожать кому? Мне примера матери хватило!

– Ну, не два ж десятка рожать? А пять – хорошее, красивое число.

– Я подумаю, – не стала спорить Софья. – Особенно если ты постарайся.

Намек был понят. Софью сгребли в охапку и унесли на кровать.

Стараться.

Ну и правильно, с мужем надо прощаться как следует. Пусть увозит с собой не ее тоску, а приятные воспоминания. Ох, Ванечка...

* * *

Томас фон Вирнинген сидел в редакции газеты. Редакция – это, конечно, слово громкое, но свой домик у газеты был – и не такой уж маленький. Добротный, почти в центре Гам-

бурга, каменный...

Да-да, сидел и грустил.

С аппетитами Людовика, знаете ли! Это раньше он к ганзейскому союзу руки не протягивал. А сейчас... чует сердце Томаса, как только сожрут Нидерланды, так и до них руки дойдут. И конец вольностям и свободам. Эх-х...

Если бы был жив Вильгельм!

И все же газета продолжала выходить, пусть не каждый день, но пока он еще жив, будет жить и его детище!

Скрипнула дверь.

– Вы позволите?

Томас внимательно посмотрел на вошедшего. Молодой, явно дворянин из небогатых... Шевалье? Возможно.

Француз? Да, похоже на то.

И что ему тут нужно?

– Господин фон Вирнинген, я пришел к вам с новостью.

Это мгновенно заставило газетчика насторожить ушки, встрепенуться, словно полковая лошадь на звук боевой трубы. Новости? Где, где, где новости?!

Мужчина без спроса присел, огляделся – и с самым заговорщическим видом поинтересовался:

– Вы слышали о черных мессах?

Томас дернулся, словно его ткнули шилом. Огляделся.

Нет, рядом никого нет, никто не услышит. Но...

– Вы сумасшедший?

Мужчина придвинулся поближе.

– Я бежал из Франции из-за того, *что* узнал. За мной охотятся, меня хотят убить. И я решил рассказать обо всем. Когда эта тайна выплывет наружу, полетят головы.

– Чьи?

Томас, сам не зная об этом, был газетчиком до мозга костей – то есть за новость он готов был продать те самые кости. И даже сам бы извлек их. А тут – такое?!

– Приближенных к его величеству. Королю-Солнцу.

Томас схватил перо и пергамент.

– Говорите же!

– Его величество, возможно, и не знает, что его метресса, мадам де Монтеспан, в надежде вернуть его любовь...

Томас писал и в глубине души понимал, что перед ним сидит его бессмертие. Тот, кто напишет об этом... Это будет словно наводнение! Оно захлестнет всю Европу. А Нидерланды получат передышку в войне. Людовику точно будет не до них. Да и ганзейский союз сможет выторговать себе еще время, почему бы нет?

Кровавые обряды, жертвоприношения, тайны Лувра...

– Вы понимаете, что если это ложь...

– Это не ложь. Расследование уже ведется, но ла Рейни не может добраться до всех. А я... я случайно... Моя любовница служила у Монвуазен, и я однажды перепил и уснул. А потом проснулся не вовремя и услышал.

Томас слушал – и словно вживую перед его глазами вставала комната и спящий мужчина. И женщина, сговариваю-

щаяся о покупке младенца. Мужчина понял, что дело нечисто, и начал следить. Да, вначале он думал, чем бы поживиться. Но потом – о, потом ему просто захотелось жить. Но было поздно.

Его заметили.

Пришлось спешно бежать из Франции, жить под чужим именем, но вчера его опять попытались отравить. И он решился...

– Вам нужны деньги? Укрытие?

– Деньги – я не отказался бы. Укрытие – нет. Меня будут искать рядом с вами, а потому я сегодня же сяду на корабль – и будь что будет.

– Могу посоветовать корабль...

– Советуйте.

После ухода мужчины Томас потер руки и бросился к на-борщикам.

Писать статью?!

Да такое сразу набирать надо!

И в выпуск!

Пока остановить не успели!

* * *

Сильвестр Медведев взял перо, повертел его в руках. Отложил в сторону и выдохнул. Не шло ничего в голову. Последнее время ему было неуютно в Дьяково.

А какие надежды он питал когда-то!

Более десяти лет назад его, молодого еще парня, пригласили для обучения царевича Алексея... Как трепетал он тогда, встречаясь с самим Симеоном Полоцким!

И какой горечью отозвалась в нем неудача.

Не го́ж.

Симеон до сих пор не знал, что это решение приняла царица Софья. Когда ее тетка Татьяна увлеклась смазливym монахом, Соня решила удалить того от двора – и не многое потеряла. Подумаешь – счастье? Да таких красноречивых да смазливых по миру хоть пучками вяжи. Позднее, намного позднее Сильвестра пристроил ко двору Симеон Полоцкий. Он же помог Сильвестру попасть к царевичу Алексею.

И как же больно было Сильвестру лишиться учителя. Как разрывалось сердце от тоски и горечи! Ни на минуту, ни на секунду не поверил астролог, что учитель виновен. Его могли обогатить, обмануть – да что угодно! Но чтобы он сам отравил государя?!

Никогда!

Бред!

И конечно, когда после казни Симеона его нашли иезуиты, Сильвестр не ответил отказом. Он мстил? Просто сводил счеты?

Он и сам не знал, но, рассказывая о том, чему бывал свидетелем, пытаясь подобраться поближе к царской семье, по капле вливая яд то в одни, то в другие уши, утолял грызущее

чувство ненависти внутри себя.

Не поняли? Не оценили?! Так другие нашлись! И побольше вас заплатят.

И вы – заплатите.

Но все же...

Последнее время Сильвестр нюхом чувствовал – не то. Вроде и улыбались ему, как прежде, и запретов не было, и вдовствующая царица его принимала ласково, но что-то в глубине души просто кричало: БЕГИ!!!

Видимо, он устал. Отдохнуть бы... На богомолье, что ли, съездить? Сеть он раскинул хорошую, широкую, какое-то время и без него поработают, а он вернется, соберет все сведения да и понесет своим хозяевам в клювике.

Поделом вам, твари романовские!

Скрипнула дверь.

Сильвестр обернулся – и вежливо улыбнулся. Встал, склонился в полупоклоне. В его покои быстрым резким шагом вошла царевна Софья. Да не одна, а еще с четырьмя казаками.

– Государыня?

Всем видом он словно спрашивал, чем может быть полезен. Но в ответ получил ледяную улыбку.

– Твоя служба закончена, Медведев.

На плечах сомкнулись жесткие цепкие руки – не стряхнешь, не вырвешься. Софья прошла по его покоям, словно по своим. Усмехнулась, отбросила носком сапожка ковер с

пола.

– Этого к Ромодановскому, а мне достать все из тайника. И здесь есть еще один тайник, в спальне. Его тоже вытряхнуть, но осторожно. Мало ли – иезуитская шкура.

Сильвестр забился в руках у казаков. Двое держали его, один ощупывал тайник, второй направился в спальню. Сильвестр понимал, что надо бы оправдываться, спорить, просить... язык не поворачивался под взглядом темных глаз.

Царевна знала все. Явно знала.

Но откуда?!

Как?!

Видимо, такое изумление было на его лице, что царевна соизволила... поиздеваться над противником?

– Я давно все знаю. Но раньше ты не хотел сбежать и был удобен. Я столько информации через тебя слила – приятно припомнить. – Ухмылка на губах царевны была змеиной, иначе не скажешь. – Но сейчас ты перешел границы дозволенного. Любава была последней каплей.

И Сильвестр с ужасом понял, что он... что его...

– Ты знала?!

– Конечно. А ты думал, что ученику подлеца Полоцкого позволено остаться без пригляда? – Красивые губки сжались в брезгливой гримасе.

– Не смей так! – задохнулся от ненависти Сильвестр.

Софья передернула плечами.

– К Ромодановскому.

Казаки поволокли астролога по лестнице, не обращая внимания ни на крики, ни на попытки вырваться. Софья продолжила обследовать его покои.

Пошпионил? Пора и на дыбе повисеть.

Поговорку про кататься и саночки еще никто не отменял.

* * *

Его величество Людовик XIV, христианнейший Король-Солнце был недоволен.

Даже не так.

Его величество был *настолько* недоволен, что, ей-ей, желание провалиться под землю испытывали даже деревья в парке. Увы: придворные о таком счастье даже мечтать не могли и только молились, чтобы гроза прошла мимо.

А она грянула.

Да какая! С воем и грохотом!

Какая тварь слила в мир информацию о черных мессах – бог весть, но ухватились за нее и руками и ногами. Германские княжества – потому что терпеть не могли Людовика; англичане – по причине вечной нелюбви к французам; голландцы – ну, те понятно; Испания – еще бы! А ведь казалось: сколько раз воевали... французы с испанцами, испанцы – с французами... Почти родными стали – и так полоскать грязное белье французского двора. Какое низкое испанское коварство!

Неизвестно, сколько в грязной волне сплетен было правды, а сколько лжи, но...

Ла Рейни потирал руки.

Катрин Монвуазен едва удалось спасти от разъяренной толпы, заточив в Бастилию, а вот особой стойкостью дама не отличалась, вмиг заложив всех. И кого знала, и кого не знала. И имена звучали такие...

Герцог де Вивонн и его жена, племянница покойного кардинала Мазарини (кардинала!!!), графиня де Суассон, маршал Люксембург и самое страшное.

Мадам де Монтеспан.

Да-да, Атенаис де Монтеспан, официальная метресса короля и мать его детей!

Королева злорадно ухмылялась, предусмотрительно отвернувшись к стене. Атенаис бросилась в ноги королю, но... О, это страшное слово из двух букв, которое искорежило больше судеб, чем все остальные слова. Если бы как-то удалось замять это дело! Затоптать костер! Успокоить народ!

Бесполезно!

Газеты, памфлеты, сплетни...

Парижане остановили карету маршала Люксембургского и едва не разорвали его на клочки – сумел удрать. А слугам его так не посчастливилось.

Кто-то умело нагнетал истерику. Что во Франции, что в остальных странах. Кричали о Дьяволе, о детских жертвоприношениях, о том, что подобное марает трон, что тот, кто

это прикрывает, как бы не сам соучастник...

Король бесновался, но имена-то появлялись! И иногда верный ла Рейни не знал того, о чем писали газеты и сплетничали люди!

Полиция сбилась с ног, но... Накрыли пару типографий – и только. Что могли сказать мастера? Пришел мужчина, дал текст, дал денег...

Внешность?

Да вроде как из крестьян. В одном случае темный, во втором светлый, то с усами, то с бородкой, то гладко выбритый... найти эту гадину (гадов?!) не представлялось возможным.

Даже узнать, *кого* искать!

Да и...

Людовик, конечно, гневался, орал, топал ногами и швырялся кубками, но Николя ла Рейни не выгонял. Понимал, что лучше никого не найти. А тот... Почему-то королевскому цепному псу не нравились ни отравители, ни черные мессы. И его бы воля – он бы весь этот гадюшник вычистил. Огнем и каленым железом. Так что сплетников искали. Ну... как приказали. Приказали – искать, вот искать и будут. А найти начальство не приказывало, никак нет.

И *Lettres de cachet*² тут никак не помогут. Кого вписы-

² *Lettres de cachet* – в абсолютистской Франции приказ о внесудебном аресте того или иного человека в виде письма с королевской печатью. Эти письма были примечательны тем, что в уже подписанных документах оставлялось свободное место, где можно было указать имя и фамилию любого человека. – *Прим. авт.*

вать-то будем?

Людовик гневался.

Европа тихо злорадствовала.

Папа Римский писал, что не может оставить своим вниманием такой кошмар, что преступления французского двора вопиют к небу, а потому к Людовику направлены доверенные люди, кои и будут бороться с нечистью! Сатанист – это ж... хуже твари и не будет! И не было! Если церковь кое-как могла пощадить вольнодумца или еретика – да, и такое случилось, – то сатанистов жгли всегда и везде. Без разговоров. И надо сказать, на Руси это полностью одобряли.

Атенаис де Монтеспан также рыдала и вопияла, целуя туфли короля и умоляя о пощаде. Она ж это не просто так, она из любви! Просто хотела, чтобы король не лишал ее своего внимания, а он был так холоден, так недоступен и жестокосерден...

Доступный и мягкосердечный Людовик посоветовал, пока еще есть возможность, срочно постричься в монахини. Каша заваривалась такая, что, возможно, и он не сможет спасти фаворитку. Памятна Фронда, ой памятна. Детские впечатления были настолько сильны, что Людовик никогда не забывал оглядываться на народ. И сейчас видел – ярость ищет выхода. А потому – да. Пришлось и смирить гнев, ответив Папе, что присылайте ваших людей, и...

Вот куда бы отправить Атенаис?

В глушь? В поместье?

Так ведь не доедет. После того как толпа разнесла в клочья и подожгла дом маркизы, самым безопасным местом для нее стал Лувр. И лучше – у короля под кроватью. Люди бесились, обвиняя маркизу в том, что та приносила в жертву их детей, – и остановить толпу было невозможно.

Конечно, одна идея Людовику в голову пришла. Но тут же была вырублена на корню. Его величеству подумалось выдать одну из дочерей маркизы замуж на Русь, а маркиза пусть съездит с ней... годика на два. Ладно, ради такого он даже приданое даст... неплохое. Даже породнится с этими варварами. На что не пойдешь ради любимой женщины... насколько это возможно для короля любимой?

Иван Борисович Троекуров только ухмыльнулся, когда Людовик его вызвал. Кланялся, конечно, со всей почтительностью, но когда речь зашла о браке...

– Уж простите, ваше величество, но я на себя такую ношу не возьму. У нас на Руси сатанистов зело не любят. Раздерут на тысячу клочьев и дофину, и мать ее – ага, вот именно, мать ее, – и всех защитников, – никто и помешать не успеет. А мы потом виноваты останемся? Никак такое нельзя делать! Мне государь голову снимет!

И стоял на том что твой баран.

Нет, нельзя, убьют и глазом не моргнут.

Людовик, конечно, взбеленился, но что он мог сделать с русским послом? Единственное – выставить из Франции. С заявлением – мы очень недовольны. И видеть вас больше не

желаем.

Напугал ежика голым афедроном.

Ну недоволен – твои трудности. Видеть не желаешь? И не увидишь. Троекурову эта ля белль Франс давно уж поперек всех мест встала. Так что выгоняешь – и ладненько. Домой поедем.

А кто и останется...

Троекуров, правда, всех подробностей не знал. Но был уверен, что вот этот скандал с черными мессами спровоцировали царевичевы воспитанники. Которые хоть и приехали с посольством, но уже давно «как бы отбыли» домой. А на самом деле расселились по Парижу и окрестностям и принялись заниматься своими прямыми обязанностями.

Сбор информации, вброс новостей, вербовка нужных людей... да много чего интересного! Иван Борисович и половины не знал. И – не лез.

Сие дело царское, а наше – конверт принять, конверт отдать – и тут же забыть. Меньше знаешь – дольше жив. Так что собраться – и домой! Русь-матушка, родина любимая, как же боярин соскучился!

Домой...

* * *

Покачиваясь в беседке на спине слона (между прочим, подарок, требующий беспрестанной заботы и ухода), султан

Сулейман держал совет с Гуссейном-пашой. Ну не дано ему было лихо ездить верхом. Не учили такому в заточении, а потом и поздно было учиться. Оттого и предпочитал султан паланкин или беседку.

Позади остался Белград и войско держало путь на Буду и Пешт. Благо пока они еще принадлежали Османам! Оттуда можно будет осмотреться, пополнить запасы – и ударить. Куда?

По Вене, разумеется. Сердцу Австрии.

Кто овладеет Веной – овладеет и Священной Римской Империей. И Габсбурги будут сломлены. Хотя нет – это уже мечты. Этих одной Веной не возьмешь, но вот влияния и сил у них значительно поубавится. И хорошо.

В то же время Сулейману стало известно, что на помощь Леопольду пришли войска под командованием Яна Собесского. Да, того самого Собесского, который разбил уже Мехмеда, который отстоял Польшу, который...

У которого серьезный боевой опыт.

А вот сам Сулейман...

Султан нервничал и злился, Гуссейн-паша успокаивал господина, заверяя, что все будет хорошо, что возьмут они эту Вену...

Не успокаивало.

Больше сотни лет османы обламывали клыки о стены Вены. А сейчас... сейчас от успеха зависела судьба Сулеймана. Сама жизнь его! Янычарам было не впервой менять неугод-

ного султана. К тому же многое не на его стороне.

Скорость? Невозможно передвигаться быстро с таким количеством человек.

Снабжение? Хоть и наладили его кое-как по рекам, по Дунаю, в подражание Сулейману Великолепному, а все одно – иногда не хватало самого необходимого. Хотя организовано все достаточно грамотно. Суда, разведка, охрана... теряли не больше одного корабля из десятка. Но и того жалко было!

Не приходилось ждать и подкрепления.

Мало того – как бы русские не ударили в спину там, в Крыму!

Хотя Гуссейн-паша и уверял господина, что не ударят, спокоен Сулейман не был.

А зря.

Если бы мог увидеть русского государя – быстро поменял бы мнение.

* * *

– Кристиан сначала хотел, чтобы я приехал за невестой, но потом передумал.

– Ну да. За невестой и Воин Афанасьевич съездит. Да и царевна Анна рада будет проехаться, а тебе надобно войско вести.

Ваня Морозов сладко зевнул. Выспаться пока не получалось. Самое тяжелое время – начало похода. Это потом все

пойдет как по маслу, но в самом начале, когда только повернулись шестеренки, со скрипом и скрежетом двигая тяжелую машину войны...

– Вот и пусть она меня дома подождет. Заодно Соня к ней приглядится, хоть отмоет...

– Да ладно тебе, не все ж они там недомытые...

– Тебе легко говорить. У тебя – Соня, а у меня кто будет? Ты портрет Ульрики видел? Такой нос Бог семерым нес...

– Злой ты... Вдруг там душа прекрасна?

– В постели душа не видна, там на другое смотрят. А мне даже изменять ей нельзя будет. Хотя бы до рождения троих-четверых детей.

– Это корона.

– Чтоб ее черти побрали, – ругнулся Алексей. И тут же перекрестился, покачал головой. На самом деле он так не думал, но ведь легче от этого не будет?

Корона часто заменяет монарху и красоту жены, и доброту матери. Да и вообще – все родственные отношения меняются на этот золотой венец. Но... не хотелось ведь! Хочется-то жить, любить, радоваться! А даже невесту самостоятельно выбрать нельзя.

Грустные размышления оборвал Ваня:

– Давай еще раз поглядим карту?

– Давай. Сейчас мы направляемся к Нотебургу.

– Он же Орешек.

– Именно. Вообще это наш город был, так что пора шве-

дам отдать его обратно. Попользовался – свободен.

Ваня поддержал друга залихватским кивком.

– Потом нас ждет Нарва.

– Ревель и Рига. А когда захватим Лифляндию и Эстляндию, можно будет уже и на Выборг пойти.

– И пусть Карл разрывается, воюя на два фронта.

Алексей отбросил с лица золотую прядь.

– Пусть повоюет. У меня, знаешь ли, мечта: присоединить к нам финнов.

– Не слишком ли велик кусок будет?

– В самый раз. Пока в Европе свары – нам милое дело вперед идти.

Ваня пожал плечами:

– Присоединить мало, надобно еще удержать. Отстроить-ся, укрепиться... где там города можно строить?

– У финнов. Или напротив Ревеля... не знаю пока. Нам этот выход в море как воздух нужен. А шведы... перебьются!

– Если атакуем и все сделаем быстро – шансы у нас весьма неплохие. Есть динамит, есть греческий огонь...

– Для Карла это окажется сюрпризом. Лишь бы у него такого для нас не оказалось.

Лицо Алексея заострилось. Сейчас он казался лет на десять старше своего возраста. Война! Кто ее считает веселой? Разве только тот, кто там не бывал.

Отговаривать друга Иван и не собирался. Софья быстро приучила их к своему мировоззрению. Если Руси что-то

нужно, оно ей и должно принадлежать. А чье оно было до того...

Крым же взяли! Избавили Русь от такого гнойника, что страшно сказать! Хватит с нас татарских набегов и прочих пакостей от «добрых соседей». Натерпелись. Сколько русского ни зли, а конец веревочке будет, да такой, что вы ж на ней, гады, и повеситесь!

Теперь надо приобрести выход к северным морям. Как долго можно гнобить торговлю на Руси? Перекупать у купцов задешево, продавать втридорога... перебьются шведы, ой как перебьются! Попили русской кровушки?

Хватит!

Армии медленно передвигались по карте. Кто победит, было пока неизвестно, но в одном не сомневались государи. Лик Европы необратимо изменится.

Лето 1677 года

Воин Афанасьевич честь по чести приветствовал датского принца Георга, раскланялся, проговорил все, что по чину надобно, – и с поклоном выслушал ответную речь.

Да, вот так вот.

Датчане сопровождали принцессу до границы, а уж тут, на Руси, он ее обязан встретить да приветить, покамест государь воюет.

А кому ж еще?

Царевнам невместно, царевичи все заняты, Федор в Соловецкий монастырь отпросился съездить, Иван в Португалию собирается, Володя дите пока...

А он все ж таки государев дядька, причем в самом прямом смысле, на тетке государевой женат, дети подрастают... Жаль, отец его сорванцов не видит, вот уж кто счастлив был бы.

Приятные мысли о жене оборвались, когда в комнату вошла принцесса. Воин Афанасьевич хоть и был опытным придворным, а все ж поразился, что борода, да шапка высокая, да золота много – на первый-то миг оно от лица отвлекает. А на лице том читалась, наверное, жалость.

Ульрика-Элеонора была откровенно некрасива. Костлява, длинноноса, тоща что та жердь... Единственно красивым в ее внешности были глаза. Огромные, ясные, искристые, глу-

бокого темно-серого цвета, они сияли собственным светом доброй души и казались почти черными. И по тому, как говорила она, как двигалась, улыбалась, Воин Афанасьевич распознал в ней умного человека.

А вот сильного ли?

Будет, будет еще время присмотреться, но покамест впечатления сильной и нестигаемой она не производила. Мягкая, добрая, ранимая, очень уязвимая, несмотря на то что росла во дворцах. Бывает же такое чудо! А может, оно и к лучшему? Меньше скандалов в семье будет?

Тут он мог только пожать плечами. Алексей Алексеевич умен, да ведь спать ему с этой девушкой. Со всей ее некрасивостью. И как? А коли любовница у него заведется? Да еще и детей принесет?

Ох, не хотелось бы. Ни к чему на Руси новые бунты. А ведь всем известно, что за своего ребенка любая баба – зверь. Что хочешь сделает и глотку перегрызет. А эта...

Ни единой крамольной мысли не отражалось на лице Воина Афанасьевича, когда тот дарил драгоценные подарки, приглашал дорогих гостей на Русь, извинялся, что государь-де в походе, потому как договоренности с вашим же братом, да-с, его величеством Кристианом, призывают его под знамена...

Уж не обессудьте, гости дорогие, не побрезгуйте нашим гостеприимством...

Все эти игры были хорошо знакомы участникам и шли

словно по маслу. Все знали свое место и свои роли в пьесе. Ульрика также разглядывала боярина. И грустно вздыхала про себя.

Не понравилась.

Да, глупой принцессу никто не назвал бы. Она знала, что очень хороши у нее руки и плечи, что у нее густые волосы... Но все равно, не будь она королевской дочерью и сестрой, мало бы кто обратил на нее внимание. Она привыкла и смирилась, будучи неглупой. Но все равно – царапало по сердцу...

А как-то ее еще будущий муж примет? Жениться – одно, а любить? Будет ли у нее хоть иллюзия семьи? Доверия, уважения?

Ульрике было страшновато.

Один Георг был доволен. Ему уже пообещали охоту, подарили сокола, и сейчас они с боярином обсуждали какую-то особо прочную сталь, из которой лили на Руси пистолы. Мужские игрушки.

* * *

– Сколько им осталось?

– Дней десять пути.

Ежи Володыевский был спокоен. Ну, турки. И что? Видывали, еще и не таких видывали! И колошматили их в хвост и в гриву, да так, что бежали, тапки теряя! Пяти лет не про-

шло, как били они это войско на границе Польши.

Ян Собесский тоже был спокоен. Чай, на чужой земле воюет, не на своей. А вот кого снедала тревога, так это Леопольда. Император расхаживал по кабинету как тигр в клетке, блестя глазами.

– Их много, слишком много! Вы справитесь?

– На то Божья воля, ваше величество.

А то чья же? Ежи спрятал в усах усмешку. Божья воля, то верно, а озвучил ее государь Алексей Алексеевич.

– Бить будем, постараемся выбить отсюда, но войск у нас мало, ой мало.

Леопольд недовольно сморщил нос.

Мало?! И что?! Он и так предоставил всех, кого только можно! Целых десять тысяч человек! Ополченцев еще пять тысяч. Немного, конечно, но и сами они пришли не большим числом. А Польшу обороняли – и того не было!

– Я приказал рушить дома за чертой города. Вену они взять не должны, но под стенами могут простоять долго. И чем дольше, тем лучше. До зимы, например.

Поляки переглянулись. Да, если турки не возьмут Вену до зимы, у них начнутся бо-ольшие проблемы. Поди прокорми такую армию да фураж достань!

– Народ послушался. Они верят вам, государь.

– Да, мой народ верит мне. Но есть и те, кто не выдержит тягот осады.

– Примерно тысяч шестьдесят, – кивнул герцог Мельфи.

Раймондо Монтекуколи, назначенный недавно военным комендантом Вены, подходил к делу серьезно. Пушки были проверены и пристреляны, пушкарей гоняли в хвост и в гриву, склады спешно заполнялись...

– Я временно переберусь в Линц вместе с беженцами.

Леопольд объявил о своем решении и ожидаемо увидел на лицах военных облегчение. Все-таки воевать лучше, когда никто высокопоставленный над душой не стоит. Пусть едет.

Леопольд считал так же.

Трусом император не был. Просто искренне полагал, что его жизнь намного ценнее, чем жизни и обычных горожан, и поляков, и русских... Да и вообще – кого можно сравнить с ним? Он император! А эти... быдло и есть быдло. Бабы таких еще не одну сотню нарожают, а вот он...

Император – и этим все сказано. Единственный, уникальный и незаменимый, вот!

Не ожидают же они, что император подвергнет свою жизнь опасности, словно простой солдат? А если с ним что-то случится, кому тогда командовать? Кто тогда будет принимать решения, на чьи плечи ляжет тяжесть Империи?

У него даже детей покамест нет, дочери не в счет! Жена хоть и беременна, но будет ли сын? И вообще – сделать ребенка мало, надо его еще вырастить императором. А это – время, силы, и, конечно, он должен оставаться в живых! Так что самому Леопольду его решение казалось весьма осознанным и взвешенным. А уж что там кто будет о нем думать...

Солнце не волнуется, о чем размышляют червяки.

* * *

– Сколько ж можно?! Сидим тут, что в клетке!

Девушка, которая расхаживала по комнате, была красива. Синие глаза, темные волосы... Впрочем, две другие ей не уступали. Романовская кровь. Три царевны – Катерина, девятнадцати лет от роду, Мария, семнадцати, и Феодосия, пятнадцати, были хорошими подругами. Сдружились на почве неприязни к старшей своей сестре Софье и были верными союзницами. Понимали, что она сейчас больше брата властна в их судьбе, не любили, злились, завидовали – много чего было. И свобода ее, и супруг – Иван Морозов, и характер, и любовь брата...

Стерва, одно слово! Гадина!

И что самое печальное – умная. Это девочки уже могли оценить и понимали, что Софья заслуживает уважения. От понимания становилось еще горше.

– Кать, а что тебя не устраивает? – Мария была более разумна, чем сестра. Вот Катюшка отличалась более импульсивным характером, а Феодосия свой пока вообще еще не проявляла: мала. – Мы не просто так сидим! Нас учат, к замужеству готовят...

– Вот! А если я замуж не хочу?!

– А кто тебе мешает? Иди в монастырь, чай двери не за-

кроют.

Катя топнула ножкой в дорогом сафьяновом башмачке. Жемчуга на нем было нашито столько, что три семьи год кормить хватило бы.

– Машка, ты не понимаешь? Я хочу замуж, но за того, кого сама выберу! А не Сонька! Не Алешка! Вот!

Мария прищурилась. Катерина была самой неистойвой из сестер; Феодосия – самой внушаемой и податливой, Мария же предпочитала слушать и помалкивать. Или подзуживать, как сейчас.

– Кать, а мы сумеем правильно выбрать?

– А что мы – глупее Соньки? Она вот вышла замуж за своего боярина – и живет с ним, не жалуется. Да и тетки...

Катерина не подозревала, что мысли эти были аккуратно вложены в красивую головку неким Сильвестром Медведевым, и возмущалась вполне искренне. Сестры переглянулись.

– Ну... прислушивается-то Алеша не к нам, а к ней.

– Это несправедливо! Гадко!

– Кать, а что ты в делах государственных понимаешь-то? – Феодосия не насмешничала, но серьезность была хуже крапивы. И то сказать, учили их на совесть, а вот в текущие дела все ж не посвящали.

– Да уж научилась бы, чай, не хуже Соньки, – буркнула царевна, но, видя, что сестры ее не поддерживают, с размаху упала в кресло. – Да пес бы с ними, с делами государствен-

ными! Но почему и в сердечных делах воли нам нет?

– А ты забыла, что тетка Анна рассказывала? Что раньше царевнам вообще одна дорога была. В монастырь – и все. Или сиди век девкой, в тереме чахни!

– Ты еще вспомни, что при Адаме с Евой было, – сморщила нос Катерина. – Отсталые мы. Вот в Европах царевны и на балах танцуют, и на охоту выезжают! А мы сидим, что те сомы под корягой, мхом покрываемся. Сначала здесь, а потом у мужа в тереме...

– А то и мужа б у тебя не было.

Мария вполне логично отвечала сестре, но безуспешно. Переубедить царевну Екатерину так и не удалось. Та была твердо уверена, что царевны обязаны выходить замуж по любви. Или хотя бы, как в просвещенной Европе, иметь аманта³. Это же *модно*!

Жаль только, что Софья – как собака на сене. Ей можно, а остальным царевнам нельзя! Где справедливость?!

Полоцкий хоть и поплатился жизнью за свою наглость, но трудился не зря.

* * *

– Мой повелитель, Перх... порф... Перхтолсдорфе.
Сулейман прищурился на стены города. Ну... так себе.

³ Любовника. – Прим. авт.

Перед его войском смотрится и вовсе неутешительно. Янычарам – на два часа штурма, и горожане это отлично понимают.

– Прикажи объявить, что если они сдадут город – мы их не тронем. А если нет... я сровняю его с землей, а жителей обращу в рабство.

Гуссейн-паша почтительно поклонился и ускакал.

Спустя пять минут заиграли трубы, забили барабаны, к воротам города поскакали всадники. Ну а там – все понятно. Бургомистр на стене уверял, что стены города высоки, а боевой дух народа крепок как никогда. Сломался на третьем обещании лично его после взятия города растянуть промеж четырех кольев, вспороть живот и насыпать в рану крупной соли. Потому как жизнь одного даже янычара в сто раз ценнее жизни всякой христианской собаки!

Проняло несчастного чуть ли не до мокрых штанов. Так, что почти вымаливал обещание безопасности. И ключи от города сам вынес, на золотом подносе. И кланялся поминутно, и дрожал... А потел и вонял так, что едва лошади не ша-рахались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.